

НЕБО
ЦВЕТА КРОВИ
СЕРГЕЙ ПОПОВ

16+

Сергей Попов

Небо цвета крови. Книга первая

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Попов С. А.

Небо цвета крови. Книга первая / С. А. Попов — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Драматичная хроника жизни молодой семьи Флетчеров, пережившей величайшую в истории человечества экологическую катастрофу.

Содержание

Часть первая. Тишина	5
Понедельник, 12 февраля 2014 года	6
Вторник, 13 февраля 2014 года	10
Среда, 14 февраля 2014 года	19
Воскресенье, 18 февраля 2014 года	31
Понедельник, 19 февраля 2014 года	36
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Сергей Попов
Небо цвета крови. Книга первая

Часть первая. Тишина

Молчат только мертвецы, у живых на это права нет...

Понедельник, 12 февраля 2014 года

Хиленькая заплатка, все это время надежно прикрывавшая сквозную дыру в стене, со звоном отлетела на пол, откатилась в угол, и в дом мигом ворвался ледяной ветер, скидывая с грубого деревянного стола всю посуду, столовые приборы и потухшую бензиновую лампу. От страшного воя и грохота в детской раздался испуганный крик. Выскочив из холодной кровати, я в одних штанах, босиком выбежал на разгромленную кухню и кинулся к дыре, нащупывая быстро коченеющей рукой хоть что-то, чем можно ее закрыть хотя бы на время. Схватив разделочную доску – наспех заткнул брешь, не пуская смертельную стужу, ошпаривающую голое тело, и громко позвал жену, торопливо надевающую теплый свитер:

– Джин!! Скорее в кладовку!! Возьми там кусок фанеры, гвозди и молоток!.. – и сильнее прижал доску. Ветер снаружи злобно завыл, еще яростнее принялся рваться вовнутрь. – Скорее же, пока нас тут не сдуло!..

До смерти перепугавшись, Джин бросилась в кладовку. Следом из своей комнатки вышла моя десятилетняя дочь Клер. Она вся тряслась, длинные темненькие волосики примялись, немного топорщились, маленькое заспанное круглое личико побледнело, в крохотных светленьких глазках застыл ужас, носик вздрагивал. Одета была в поношенную коричневую кофту, найденную мной в одном из брошенных домов еще прошлым летом, и синие штанишки с заштопанными коленками. На ножках – серые шерстяные носочки, истоптанные тапочки.

– Папочка, почему так холодно?.. – тихим голосочком спросила она, прижавшись к дверному проему. – Я совсем замерзла...

– Ты чего из кровати-то вылезла, маленькая? – попытался успокоить я дочку. – А ну бегом под одеяло!

– Я не могу! – объяснила она, морщась от царившего на кухне холода.

– Это еще почему? – поинтересовался я, а сам уже из последних сил держал эту клятую доску, норовящую вот-вот вылететь из рук.

– Ветер гудит, страшно... – сетовала Клер. Губки обиженно поджались, сложились трубочкой.

– Сейчас перестанет, доченька, – и окликнул супругу: – Джин, ну где ты?..

В кладовке послышалась возня, потом из нее выбежала Джин.

– Вот, Курт, все, что нашла!.. – запыхавшись, проговорила она, передавая мне лишь фанеру, банку гвоздей да среднего веса гантельный диск. Русые волосы беспорядочно рассыпались по плечам, голубые глаза застыли, словно льдинки, щеки сильно напряглись, кожа на тоненьком лице натянулась. И почему-то сразу взялась оправдываться: – Молоток нигде не увидела – очень темно...

– Это ничего, – улыбнулся я, – мы и железкой забьем... – и попросил: – Придержи-ка доску, а то руки уже болят, не удержу – напором бьет!

Джин уперлась в нее, напряглась.

И, высыпав в ладонь несколько ржавых гвоздей, – закрыл банку и прикрикнул жене:

– Отходи!..

Едва та отскочила в сторону, доска полетела в спальню, точно пушечное ядро, впуская порыв пронизывающего сквозняка, и я разом закрыл дырку фанерой, наспех прибил к стене подручным средством. Недовольный этим, ветер еще секунду-другую побился в нее, надеясь вышибить, как и предыдущую заплатку, но она была прибита надежно, крепко, и ему пришлось все-таки признать свое поражение и, наконец, отступить, переключившись на кровлю. Потом долго тербил мерзлую проржавевшую жесть, не зная, на что выплеснуть гнев, однако вскоре отстал, успокоился.

Вой, вой, вой...

Около минуты просидев в бездействии, уже даже как-то забывая о том, что на мне из одежды лишь одни штаны, – быстро поднялся, положил зацарапанный от множества ударов диск на опустошенный стол и присел на табуретку, пока ничего не говоря.

– Ура!.. – обрадовалась Клер, когда ветер совсем стих. – Папа победил ветер! Ура!

«Ага, победил... – усмехнулся в себе, – чуть не замерз только...»

– Да, наш папа настоящий герой! – подыграла Джин и, улыбнувшись, тихо спросила меня: – Сильно замерз?

– Терпимо.

– Подожди, я принесу твой свитер.

Жена удалилась в спальню, а я позвал дочку:

– Клер, я так понимаю, спать ты уже не хочешь?

Та помотала головой.

– Нет! – и насупилась, демонстративно сложила ручки. – Не хочу!

Я вздохнул, заулыбался.

– Не сможешь тогда папе прибраться на кухне? – предложил я и стал потихоньку собирать с пола разбросанные металлические тарелки. – А то он сам не справится!

– Конечно! – весело отозвалась Клер и, подбежав ко мне, тоже стала помогать. И вдруг спросила: – А ветер точно не вернется?

– Точно-точно, доченька, – утвердительно кивнул я, – не впустим мы его больше домой. А завтра стену заделаю – и вообще скулить перестанет!

Из спальни вернулась Джин.

– Надевай быстрее, а то совсем продрогнешь, – спокойно, без волнения в голосе поторопила она, вручила свитер. И по-хозяйски приступила расставлять на столе посуду. Далее спросила: – Думаешь, фанера выдержит? Может, ее чем-нибудь укрепить?

– Да выдержит, – ответил я, одеваясь, – да и чем ее укрепишь-то? Там по-хорошему надо новую железную заплатку ставить – ее обычно надолго хватает. Завтра и поищу.

Жена смолчала, в глазах укрылась тревога, зябкость.

Приведя в порядок стол, я проверил бензин в лампе, зажег. Внутри, за промасленным почерневшим стеклом, заплясал, затрепыхался бедный огонек, по столу побежали кривые вытянутые тени. На кухне запахло паленым, стало теплее, уютнее.

– Спать идем, Курт? – осведомилась Джин, приобняла Клер. – Поздно ведь уже.

– Идите, а я попозже подтянусь – еще посидеть хочу.

– Хорошо, только не засиживайся, – и, вытащив у кривляющейся дочери изо рта ложку, – добавила с незлым укором: – Клер тогда сама спать уложу, а то с тобой она до утра не заснет – балуешь ты ее своими рассказами.

– Я не виноват, что она не засыпает! – засмеялся я, погладил шершавым пальцем щечку Клер. – Она ведь ребенок, все интересно.

– Я большая! – возмутилась дочка, насупилась.

– Большая! – подтвердил я. – Конечно, большая!

Джин примирительно выдохнула, широко улыбнулась.

– Ладно, – произнесла она, взяла Клер за ручку и попрощалась: – Спокойной ночи!

– Спокойной ночи, мои любимые! – нежно поцеловал жену и дочку. – Отдыхайте!

Подождав, когда Джин уложит в кровать Клер, – напоследок кивнул, достал с полки над столом пачку с тремя оставшимися на черный день сигаретами, закурил и глянул в окно, обтянутое прозрачным полиэтиленом. Там, в крошечной темноте, бесилась сильная метель, скользя по обледеневшим низким угольным сугробам, виднелись уродливые очертания полу-мертвых деревьев и кустов, обернутых, словно в фольгу, тяжелой ледовой глазурью. Ветер же

подвывал едва слышно, как-то стеснительно, будто вконец обессилел и более не хотел привлекать к себе никакого внимания.

«Эх, зима-зима... – с грустью подумал я, – уходила бы ты быстрее – одни беды из-за тебя...» – и прибавил вслух:

– Одни несчастья...

И, докурив ровно полсигареты, – убрал окурочек в пачку, потушил лампу и, стараясь не скрипеть половицами, чтобы не будить дочь, отправился в спальню.

***

Лежа в кровати под одеялом, Джин никак не удавалось заснуть – сильно тревожило минувшее происшествие. Не помогли ни удобная почти новая подушка – подарок Курта на прошлый день рождения, ни возобновившееся спокойствие в доме – все это лишь сильнее заставляло нервничать, лишней раз задумываться о ежедневных проблемах, трудностях, будущем своей маленькой дочери. И за нее она боялась больше всего. Как бы Джин и Курт ни заботились о ней, ни оберегали и ни защищали от жестокого мира, их век недолог и рано или поздно Клер самой предстоит научиться самостоятельности, охоте и собирательству, дабы помогать своим уже немолодым родителям, неспособным позаботиться о себе. Страшно волновалась Джин и за своего мужа. Каждый его поход в Истлевшие Земли на промысел и поиски необходимых припасов, где и днем и ночью бродит бесчисленное количество кровожадных хищников, мог стать для него просто-напросто последним, и тогда всю семью будет непременно ждать голодная смерть. Но худшее было, наверно, даже не это, а другое – ожидание. Всегда, когда Курта не оказывалось рядом, Джин со страхом смотрела на входную дверь и старалась лишней раз не выглядывать в окно, чтобы не дай бог не увидеть того раненым или покалеченным. А потом еще долго молилась про себя, надеясь отвести от него любую беду, грозящую там, где-то вдали от домашнего очага. И порой так сильно забывалась в своих истовых молитвах, что нередко откладывала все свои дела и начинала проговаривать их вслух, пугая этим маленькую дочурку, так же, как и мама, с нетерпением ждущую папу домой...

За всеми этими мыслями Джин не заметила вернувшегося в спальню мужа. Но тот почему-то не стал ложиться в кровать, а с каким-то угрюмым видом прошел к маленькому окошку и, ничего не говоря, встал возле него, обеспокоенно вздыхая.

– Любимый, тебя что-то беспокоит?.. – присев на кровать, осторожно поинтересовалась Джин. – Может, расскажешь?

Курт долго молчал, продолжал вздыхать.

– Курт?.. – не унималась она. – Что-то не так?.. Ты сам не свой...

Еще немного постояв в полнейшем безмолвии, супруг, наконец, ответил:

– Да... так... – отмахнулся, повернулся, – не обращай внимания...

– А если честно? Я же не отстану... – наседала Джин, – ...что стряслось?

Тот одарил ее каким-то хмурым взволнованным взглядом, потом опустил глаза.

– Да планирую завтра на охоту выбраться, а заодно – и по домам походить... – сознался Курт, – хочу нам мяса добыть, сигарет уже почти не осталось, да и так... по хозяйству кое-чего, – чуть помолчал, потом вспомнил: – Заплатку опять же.

– Да есть у нас мясо-то, – не поняла та, – в погребе лежит, еще на несколько дней хватит. И потом... куда ты пойдешь? Посмотри, какая метель!

Курт с потрясенным видом поглядел на окно, словно только что узнал об этом известии, усмехнулся:

– Ну, не вечная же она, в самом деле. К утру закончится. Зато после нее хорошо так, тишина и крупных стай хищников нет – еще сутки пережидают непогоду.

Джин прилегла, кровать тихонько скрипнула.

– И ты бы дома оставался... – потом прибавила: – Опять тебя к вечеру ждать?.. Изводиться?..

– Не знаю... – мотнул головой муж. В глазах виднелась неуверенность, голос похолодел. – Как получится, Джин. Это ведь все-таки не прогулка – загадывать нельзя...

– Все! – не выдержала Джин. – Ни слова не говори! Прощу тебя! Мне и так страшно за тебя!

Курта это откровение тронуло, он расцвел в улыбке, ответил утешительно:

– Ну-у-у, дорогая, ты чего?.. – и присел рядом на краешек кровати, положил мозолистую ладонь на ее руку, несколько секунд посмотрел на обручальное кольцо на безымянном пальце, потом теплым голосом продолжил: – Не надо за меня так волноваться! Так никакого здоровья не хватит!

Джин вместо ответа крепко взяла его руку, поцеловала, прижала к щеке. Ее тепло ошпарило Курта, одурманило, по телу миглом промчалась приятная дрожь, сердце взбудоражилось.

– Ради бога, только будь осторожен! – просила она. – Не рискуй, ладно?..

– Не буду, – пообещал Курт, – мне это ни к чему. Да и в места я не столь глухие пойду, а тут, можно сказать, неподалеку. – И, ласково взглянув на жену, – неожиданно сменил тему: – Помнишь день нашей свадьбы?

Джин тихонько засмеялась.

– Чего ты смеешься? – удивился тот, улыбаясь.

– Помню, конечно! – наконец, ответила она, перестав смеяться. – Какой же все-таки у тебя был идиотский свадебный костюм! Боже, как мне хотелось снять с тебя этот глупый пиджак!

– Эй!.. – в шутку обиделся супруг. – Мне его друзья помогали выбирать, между прочим!.. Тебе же нравился!

– Ну и вкус у них! – с усмешкой подметила Джин, смотря на него любя, беззлобно. – А про пиджак пришлось тебе чуточку приврать – а то обидишься.

Курт промолчал, удрученно выдохнул. Поняв настроение мужа, та добавила:

– Ну, согласишься, не очень он смотрелся...

– Ну, в общем, да... – смирился муж, пожал плечами. – Мне просто нравится тебе хотелось.

Джин посмотрела на него как на мальчишку, тихо проворковала:

– Ты и так мне нравишься, глупый! – и обняла, положила по-матерински голову себе на плечо, погладила волосы, будто утешая. – Как же ты не поймешь...

– Правда?

– Ну, конечно, правда! – Джин поцеловала Курта, крепче прижала к себе. – А теперь ложись уже в кровать – времени много.

Муж молча снял с себя свитер, обошел кровать, лег под одеяло, нежно поцеловал супругу в губы.

– Я обязательно что-нибудь интересное для тебя достану! – заверил Курт, накрывая и себя, и жену нагретым ее телом одеялом. Говорил это пылко, с энтузиазмом. – Непременно достану!

– Давай-ка для начала ты выспишься, добытчик, – посоветовала Джин и, положив ладонь на горячую грудь мужа, тихо пожелала: – Спокойной ночи, Курт.

– Спокойной ночи, Джин...

Вторник, 13 февраля 2014 года

Метель, беснующаяся всю ночь, успокоилась только ближе к полудню. Кипящая серая мгла, еще какое-то время висевшая в воздухе после нее, вскоре окончательно рассеялась, сосалась, словно водяной пар, обнажила черно-зеленые сугробы и угольные стволы деревьев. Легкий пеплопад, подгоняемый совсем обессиленным ветерком, стал почти незаметным, неторопливо сыпался на затерянные в грязных снегах машины, заборы, руины давно брошенных жилищ, прятал старые звериные тропы. От крепкого мороза то тут то там скрипели обледенелые оборванные провода на столбах, с треском ломались потяжелевшие от наледи ветви, крошились зеленоватые корки льда. Небо же, что за двенадцать лет ни разу не изменило цвет, было по-прежнему кровавым, страшным, будто бы вовсе не земным, а каким-то чужим, незнакомым, инопланетным. Да и облака отличались от него несильно – такие же багровые, как засохшая корка на ране, разве только чуточку светлее. И лишь солнце, ставшее навеки оранжевым, вновь и вновь выглядывало из-под них с каким-то особенным озорством и весельем, чтобы пролить на грешную землю свой негреющий рыжий свет, от чьего возникновения, казалось бы, должно быть теплее, но на деле еще сильнее пробирало холодом до самых костей. А дополняла этот скудный пейзаж поистине пугающая глухая тишина, не нарушающаяся ни противным гоготом птиц, ни рыком бродячих хищников.

Тишь, тишь, тишь...

– Хорошо, когда так тихо, – проговаривал сам себе, ступая по хрустящему снегу, – все кругом слышно, ни одна зараза даже при желании со спины не подкрадется – одним словом, замечательно!

Идти приходилось крайне осторожно и внимательно, осматривая едва ли не каждый пенек или полуразвалившийся автомобиль, дабы случайно не нарваться на какую-нибудь зверюгу, любящую притаиться возле таких вот неприметных мест и поджидать добычу. Но мои опасения оказались ложными, и, кроме примятого снега и присыпанных пеплом давно заледенелых следов, никого так и не обнаружил. Однако в опустошенном багажнике одного из фургонов мне таки удалось найти несколько клоков чьей-то облезлой замерзшей шерсти и россыпь мелких почерневших от времени птичьих костей – по-видимому, старая берлога, чей хозяин уже позабыл сюда дорогу или нашел новую, более надежную. В остальном все виделось спокойным, правда временами от ветра поскрипывали доски на окнах запустелых домов и шумели поземки.

Обойдя фургон с правой стороны, я скинул с плеча старенькую поцарапанную полуавтоматическую снайперскую винтовку, поправил защитные очки – единственное спасение от пепла, способного за секунду растворить глаза, – и внимательно осмотрелся. Вдали виднелись одинокие бесхозные двух- и трехэтажные здания, огороженные коваными заборами, немного левее – детская спортивная площадка, где теперь разлилось непроходимое болото, за ней – детский садик, куда уже доводилось наведываться, а справа, если пройти наискосок и пролезть мимо старых гаражей и почты, – крупный супермаркет – эльдорадо любого собирателя вроде меня. Но, как и любое место, богатое на полезные вещи и всякого рода припасы, его непременно стережет целая свора свирепых хищников, даже близко не подпускающих на свою территорию ни людей, ни сородичей-конкурентов. Впрочем, несмотря на всю опасность, очутиться там и набить рюкзак непортящимся продовольствием, не став при этом чьей-нибудь закуской, означает не просто накормить семью минимум на неделю, но и ненадолго забыть, что такое охота. Надо сказать, везет так единицам, а если уж быть точнее – то никому, вот и приходится шнырять по всяким шатким зданиям, довольствуясь найденным хламом, и отстреливать – если, конечно, есть патроны – всякую мелочь вроде ворон или полудохлых собак.

«Может, все же рискнуть и как-нибудь сходить туда? – с какой-то тревогой помыслил я. – Или не стоит?.. Как думаешь, Курт?»

И засомневался, призадумался.

Потоптавшись на месте, терпя незаметно одолевающий мороз, я все-таки решил пока повременить с таким решением и, потуже затянув рваный черный шарф на лице, свернул направо – к брошенному дому без дверей.

Дойдя до входа – секунду постоял в нерешительности, словно ожидая, когда вежливые хозяева разрешат войти, зачем-то провел рукой по холодному, местами треснувшему бетону, на всякий случай обернулся, не замечая никого поблизости, и переступил порог. Внутри царил жуткий бардак, разруха. В пролете между вторым и первым этажом гудели сквозняки, из огромных щелей в обшарпанных стенах с изодранными обоями сильно дуло. Сделав шаг-другой по коридору, засыпанному раскрошенным кирпичом, льдом и пеплом, я перешагнул через лежащую на боку детскую коляску, бросил беглый взгляд на донельзя запыленные картины и свернул на лестницу.

– Найти тут, конечно, ничего не ожидаю... – высказался вслух, поднимаясь по промерзшим ступенькам, осыпающимся прямо под ногами, – ...но зайти все равно стоит – глядишь, что интересное попадется.

На втором этаже – точно такой же разгром, если и того не хуже. На стенах толстыми шершавыми темно-зелеными полосами намерз иней, всюду – осколки, обломки мебели, прожженные насквозь доски, стулья, мусор. С дырявого потолка падал скопившийся на крыше пепел. Пахло стынью, застарелостью.

– Ну-с, посмотрим... – с какой-то неуверенностью проговорил я и, растолкав теплыми ботинками груды хлама, прошел дальше.

Заглянул в небольшую комнатку с дверью, висящей на одной ржавой петле, где кроме разбитого шкафа да серванта больше ничего не разыскалось, прошел в ванную. Пол засыпан кафельной плиткой, потолок облупился, заплесневел, раковина разбита вдребезги, как и унитаз, большое зеркало – частично осыпалось, точно мозаика.

– Кто ж тебя так, а?.. – сочувственно протянул я, поднял на лоб защитные очки, взглянул в свое перекошенное потресканное отражение – лицо с мороза красное, глаза волчьи, сероватые, прищуренные, на бровях застыли льдинки, нос чуть подрагивал. Потом встал ближе и продолжил: – Дурное это дело – зеркала колотить. Вот чем оно помешало? Висело себе и висело...

И, хмыкнув, опустил голову. Сразу под раковиной обнаружил настоящее сокровище – затвердевший кусок мыла, а рядом – три пустые бутылки: две из-под шампуня, одна – от бальзама для волос.

– Жаль, конечно, что не полные, – Джин и Клер бы притащил... – разочарованно вздохнул я и, схватив мыло, сунул в карман куртки, – но и мыло ничуть не хуже. Все-таки зашел не зря – уже есть первая удачная находка. Если, дай бог, и дальше так пойдет, может, даже кое-что и в Грим на продажу отнесу. Главное – не сглазить, как это часто бывает...

Еще раз пробежался глазами по ванной и, не найдя ничего стоящего, – покинул ее.

Пусто оказалось и на запорошенной снегом раскуроченной кухне – там уже успели побывать до меня, вынеся все самое ценное и нужное. Одни только поломанные жалюзи шумно колыхались от едва уловимого ветра, словно прогоняя отсюда случайно забредшего человека, еще надеющегося что-то разыскать среди обледеневших стен.

– Ну и бог с этой кухней... – ничуть не расстроившись, высказался я, – сам, в конце концов, виноват – надо было раньше сюда заглянуть, пока это место не приглядел себе кто-нибудь другой.

И вздохнул, направился к последней комнате.

Поставив винтовку возле старого гардероба, я отряхнул от пепла капюшон с мехом, скинул, стянул с лица шарф, снял городской бежево-бирюзовый рюкзак, положил на запыленный

угловой диван и прошел вглубь помещения. На полу, прикрытом курчавым ковром, валялась порванная, истрепанная одежда, что годилась лишь на тряпки, раздавленные диски, отражающие медно-алые лучи, какие-то коробки, всевозможный хлам. Справа висела просторная книжная полка с расставленными забавными статуэтками, рамками с обезличенными фотографиями и невзрачными мягкими игрушками, а сразу перед ней – просторный, подвешенный за пару крючков, потускневший флаг с единственной кричащей надписью-лозунгом, написанной крупными черными буквами, над которыми время осталось не властно:

«НЕ ГУБИТЕ ПРИРОДУ!»

Я подошел, задержал печальный взгляд, несколько раз перечитал про себя этот призыв.

– Слова-то громкие, страстные, но бесполезные... – признал, наконец, я и прибавил холодно, осуждающе: – Они, увы, только воздух сотрясать умеют, а сердца вовсе не трогают. Во всяком случае, их так и не услышали.

Потом достал недокуренную с ночи сигаретку, подул, словно та валялась в грязи, сунул в рот, неторопливо закурил и приблизился к полке с книгами, пробегаясь пальцами по шершавым застарелым корешкам. Почти все – уже нечитабельные, порченые, превратившиеся в тряпку, а те, что еще сохранили хоть какие-то названия, – либо технического уклона, либо научного, либо религиозного и годились исключительно на розжиг костра для ночлега. И только одна, может быть две стоили того, чтобы их взяли и раскрыли.

– Будет что почитать Клер перед сном, – с улыбкой отметил я, носом выдохнул горький дым и сложил примеченную литературу в ровную стопку возле рюкзака. Остальные брать не стал, руководствуясь золотым правилом «бери только то, что действительно нужно». – А другие не возьму: продать все равно не продашь – они никому не нужны, а носить с собой лишний груз – подвергать себя дополнительному риску.

Подвинув замаранное бурными пятнами офисное кресло – присел, проскакал по заснеженному компьютерному столу задумчивым взглядом, выдвинул клавиатуру, понажимал по клавишам, посмотрел в разбитый монитор, перебрал ворох исписанных листов, точно ожидая найти среди них какое-то давнее послание, откинулся на спинку.

«А ведь чей-то дом был когда-то... – с грустью подумал я, – м-да уж, как все меняет время, как мастерски ломает судьбы...»

Поднял глаза – прямо над монитором, на небольшой полочке, томилась фигурка футболиста с нескончаемо дергающейся головой.

– Чего дрожишь-то? – спросил у нее. – Замерз, что ль?

Фигурка не ответила, продолжала трястись, будто в страхе.

Усмехнулся, затушил бычок об стол.

– Чудной ты, – бросил я.

А-у-у-у!.. Р-р-р-р...

Вскочив – метнулся к разбитому окну. Но только выглянул, как всем телом ощутил липкий холодок при виде воющей и рычащей группы из пяти осунувшихся до костей здоровых черных волков со страшными ожогами на шерсти и ярко-красными пылающими глазищами, нагоняющих по кровавому следу абсолютно безоружного человека в растрепанной зимней куртке. Его левая рука висела плетью, рукав вместе с белым пухом быстро багровел, шапка сползла на затылок, обнажив плешь, ноги заплетались – бежал из последних сил.

– Потрошители... – с холодом проговорил я, провожая волков серьезным взглядом, – ... не оторвется от них – надо выручать... – вздохнув, прибавил: – Черт, как не вовремя-то, а...

В три прыжка забрал свою винтовку, снял с предохранителя, переводя в боевой режим, покидал книги в рюкзак и, забросив за спину, – опять к окну, громко окликавая незнакомца:

– Эй, ты!.. Ни в коем случае не сбавляй ход!!.. Слышишь!.. Не сбавляй ход – догонят же!..

Не знаю, слышал меня или нет, но бег он тем не менее не замедлил – выходит, кричал не зря. Зато на мой голос живо среагировали три потрошителя и, почти одновременно отколовшись от общей группы, понеслись в сторону дома, прекращая преследование человека. А вот остальные два волка как мчались за ним, так и продолжали мчаться, даже не подумав замедлиться, чтобы узнать, кто это и откуда кричал, – слишком силен голод, охотничий инстинкт, неумолимо толкающий в погоню за жертвой.

«Влип ты, Курт, как же ты вли-и-и-ип... – мысленно отругал себя, – нашел приключений на жопу...»

И, натянув очки, – подрегулировал кратность, взял на прицел самого быстрого потрошителя, почти уже настигнутого убегающего, задержал дыхание и плавно нажал на спуск. Хлесткий хлопок резко дал по ушам, на подоконник упала гильза, звякнула об пол, в воздухе запахло порохом. Сбитый с лап волк кувыркнулся на бок, завыл так, что у меня кровь застыла в жилах, и мешком повалился на зеленоватый снег, загребая когтями и обрывком хвоста, напоминающим скорее расплывшуюся веревку. Второго пуля смертельно ударила в морду, потрошитель подкосился, влетел на скорости в сугроб, пропахал клыками лед и затих, навсегда отпуская свой двуногий обед. Однако такой стрельбе, какой без лесты могли позавидовать даже бывалые охотники, мне порадоваться не удалось – оставшиеся три потрошителя вплотную подошли к дому и стали для меня недосягаемыми. И только одно успокаивало – тот, ради кого я, по сути, пожертвовал собой, остался в живых.

– Господи, что же теперь мне-то делать?.. Куда бежать?.. – пугливо протараторил я, обшаривая глазами комнатуху, где, по всей видимости, предстояло держать оборону. – Хотя куда тут бежать-то? Либо под кровать лезть, как дитя малое, либо в окно прыгать – вариантов немного.

Непроизвольно глянул в него, где сразу заметил незнакомца. Он уже никуда не бежал, а лежал, немощный, на зеленовато-буrom снегу, держась за растерзанную руку, постепенно пачкался пеплом.

«Не больше получаса у него, – решил я, – дольше не протянет – крови много потерял, да и пепел в рану попасть может...»

Р-р-р...

Между тем со стороны первого этажа слышались грозные рыки волков и грохот хрустящего под мощными лапами льда и мусора. Этот шум одновременно сливался в жуткое эхо, отпрыгивал от бетонных стен.

Положив винтовку на журнальный стол – подскочил к гардеробу, на голову превосходящему меня по высоте, и стал сдвигать к двери, чувствуя, как мокнут от ужаса ладони.

Р-р-р!..

– Только бы сил хватило... – с надеждой проговаривал я, – иначе... все – загрызут...

***

Наигравшись с одноногой куклой в грязном платье, Клер отложила ее к остальным игрушкам, достала из корзины обгоревшую раскраску, надломанные цветные карандаши и принялась зарисовывать мультяшного мышонка, наполняя картинку недостающими цветами. Но уже через несколько минут это занятие ей наскучило, она убрала все обратно, обулась в маленькие туфельки и, открыв дверь, вышла на кухню, где мама резала мясо к обеду. Заметив Клер, Джин обернулась, сдержанно улыбнулась, маскируя тревогу, и позвала к себе:

– Доченька, иди сюда, – сделала пригласительный жест, отходя от стола, – вместе готовить будем.

– Что-то вкусненькое? – хитрым голоском спросила Клер, встав рядом с матерью. В глазках зашевелился интерес, детское любопытство, а от вкусных запахов, овевявших всю кухню, разгулялся аппетит. – Да, мам?

Джин вытерла руку об затасканный до дыр фартук, приобняла дочь, ответила:

– Супчик мясной, как ты любишь, а еще салатик хочу сделать.

Клер оживилась, заюлила, заглянула на стол – там лежали три скудных бледненьких помидора, два тоненьких огурчика – скромный урожай, выращенный в теплице поистине титаническим трудом матери.

Заметив, куда смотрит дочурка, Джин предложила:

– Ну что, порежешь овощи? Только кожуру не забудь снять с огурчиков, хорошо?

– Хорошо, мам!

– И осторожнее – не порежься! – предостерегла та и, перед тем как вручить маленький нож, напомнила: – Ножичком на себя, на себя аккуратненько...

– Знаю, мам! – насупившись от излишних нотаций, перебила Клер. – Не напоминай!

– Все, молчу-молчу! – примирительно выступила мать, передала нож. – Тогда все в мисочку нарежь, а я потом маслом заправлю – у нас полбутылочки еще осталось.

Клер молча начала чистить огурцы, шинковать помидоры.

Тайком понаблюдав за подрастающей хозяйкой, ловко управляющейся с острым ножом, ничуть не хуже нее, Джин тихо заплакала – сердце переполняло бесконечное материнское счастье. Чтобы увлеченная делом дочка не заметила ее слез радости – отошла чуть в сторону, незаметно вытерла испачканным фартуком глаза, посопела носом, так же молча, как и Клер, продолжила разделявать жесткую мерзлую волчатину, то и дело подкидывать в кастрюлю некрупные неровные куски.

«Помощница подрастает моя, – с гордостью за дочь подумала Джин, – надежда и опора наша с Куртом...»

Когда миска была заполнена овощами, маленькая Клер сполоснула нож в ковшике с водой, убрала в подставку, собрала очистки от огуречной кожуры в кучу и вдруг задала матери неожиданный вопрос, какой та боялась в данный момент услышать больше всего:

– Мамуль, а папа скоро вернется?

Из рук Джин мигом выпал нож. Она глубоко жадно вздохнула, от чего грудь обожгло огнем, вздрогнула всем телом, как от страшного наваждения, оперлась на стол, побледнела.

– Мамочка, тебе плохо?.. Мама... – растерялась Клер, подлетела к ней, крепко обняла, чуть не плача. Сердечко забило в испуге. – Что с тобой? Ты из-за папы так, да?.. Мам...

Почувствовав тепло дочери, Джин безмолвно опустила голову, не моргая, будто слепая, взглянула на ту, запустила свои тонкие холодные пальцы в прядь детских волос, как-то по-старушечьи погладила. Рука скользила по ним легко, точно по шелку, неторопливо, заботливо, жалеючи.

– Мамуль?.. – не унималась Клер, все крепче и крепче прижимаясь к родной матери, по-своему утешая, но она – холодный камень, – казалось, даже не понимала этого. – Мама... мамочка... мама...

Еще какое-то время помолчав, продолжая смотреть куда-то сквозь дочь, Джин, наконец, заговорила, но тихо, слабо, совсем уж неубедительно:

– Я... я в порядке, доченька... – закрыла глаза, тяжело выдохнула и повторила так, словно и сама не верила в то, что говорит: – В порядке...

– Ты обманываешь, обманываешь! – грозно молвила Клер. – Зачем ты меня обманываешь? Я же вижу, что ты чем-то расстроена!

Истерика дочери привела Джин в чувство, она решила больше ничего не скрывать и созналась:

– Я вся на нервах, Клер, места себе не нахожу... – и бросила обеспокоенный взгляд в окно. За ним шел пепел, неслышно стелился на темный отравленный снег и ветви. Дочка заглянула ей в глаза, тоже посмотрела в окно. Через мгновение продолжила, успокоившись: – Когда наш отец уходит туда... – помедлила, – ...меня не покидает тревога, прям душа не на месте...

Договорив – подвинула к себе миску с нарезанными овощами, взяла ложку, стала перемешивать. Клер удивленно смотрела то на красное небо с зависшим на нем огненно-медным диском, то на этот серый пепел, провожая замороженным взглядом, и все никак не могла понять, что же такого страшного может таиться в этой безобидной тишине, вгоняющей мать в панический ужас.

– Но... там ведь так тихо... – промолвила она, следя за тем, как подхваченный ветром пепел принялся кружиться дервишем возле окна, взлохмачивая колючие чернильные кусты, – ...зачем бояться тишины, мам?

– Да просто беспокойно как-то становится... – лживо, ограждая Клер от излишних подробностей, к каким та еще пока не готова, ответила Джин и вдруг обратилась с просьбой: – Доченька, а не принесешь маслица? Знаешь где?

Клер с неохотой оторвала глаза от окна.

– Конечно! – потом обняла мать: – Я сейчас приду, только не грусти, ладно?

И удалилась в кладовку.

Пока Клер не было, Джин быстро, дабы случайно не увидела дочка, окрестила себя святым знаменьем, зачерпнула ковшиком чистой воды из ведра, добытой в скважине, что несколько месяцев выкапывал Курт возле дома, залила кастрюлю, насыпала оставшиеся приправы.

Вернулась дочка бесшумно, словно мышка.

– Тут очень мало, мам, нам точно хватит? – отдавая полупустую бутылку масла, с сомнением в голосе спросила она, а сама встала возле мамы, с нетерпением ожидая, когда та польет им нарезанный ей салат. – Больше ведь нет...

Джин на это как-то скромно улыбнулась, взялась заправлять салат, попутно давая наставления Клер:

– Смотри и учись – скоро сама будешь так делать, – оглянулась на дочку: Клер с каким-то необычным интересом следила за каждым действием матери, точно боялась пропустить что-то важное, – а папка наш как обрадуется, когда придет домой... – маняще протянула и, хваля, прибавила: – Я же скажу ему, что это ты его сегодня накормила!

– Ему понравится мой салатик?..

– Вот увидишь, Клер, обязательно понравится! – убедила мать. – А сейчас пойдем со мной – включим генератор и поставим наш с тобой суп на плиту вариться.

– У-у-у... – Клер взялась за уши, – опять будет громко!

– Ну, а что же делать, солнышко? – умиляясь дочерью, спросила Джин. – Потерпим немножко.

– Ну, ладно... – сокрушенно вздохнула дочурка, прошла к ведру, любуясь собой в отражении. Вода слегка плескалась, кривила личико.

Сняв фартук, Джин подошла к вешалкам с висящими куртками, собралась. Обувшись в поношенные теплые сапоги – застегнула тугую молнию, подвернула облезлый воротник, поторопила дочку:

– Клер, одевай свою курточку и ботиночки, – и прибавила чуть громче: – И шарфиком не забудь замотаться.

– Не забуду!

Дождавшись, когда дочка оденется, – толкнула дверь и первая вышла из дома.

***

В том, что даже такой массивный гардероб не сможет сдержать натиск трех одуревших от предстоящей трапезы волков больше, чем на минуту, я уже не сомневался. Первый же удар потрошителя едва не повалил его на пол, вышибив сноп щепок, а от следующих двух – сорвалась с петель верхняя увесистая дверца и откатилась к ковру. Чтобы немного задержать волков, истово рвущихся ко мне, – привалился всем телом к гардеробу, слыша доносящиеся с той стороны лютые рыки и остервенелое царапанье когтей по дереву, и лихорадочно стал думать, как быть дальше.

«В окно надо... – билась в голове одна и та же мысль, – хватать винтовку – и в окно...»

Р-р-р-р-р...

– Что, суки?.. – надменно бросил я. – Никак достать меня не можете?.. А?.. Ха...

Усмешку тотчас прервал сильнейший толчок, я отлетел от дверей гардероба, как футбольный мячик, больно ударился затылком об диван, закричал.

В этот момент грянул сухой треск, словно кто-то поблизости сломал ворох сушняка, злосчастный гардероб распахнулся настежь, и в появившейся сквозной дыре увидел обезображенную многочисленными ожогами и шрамами морду потрошителя. Волк яростно рычал, шелкал длинными, точно сабли, черными клыками, брызгал вязкой слюной, прожигал меня красными глазами, не пуская вперед себя остальных сородичей. Рваные уши нелепо топорщились, нос нервно дрыгался, морщился, здоровые, местами оголенные до мяса лапы рьяно рвали прессованное дерево, освобождали проход. Другие потрошители, несмотря на него, тоже скреблись, отдирали крепкими темными зубами тоненькую фанерку, гавкали.

Р-р-р!.. Гав! Гав!..

– Джин... Клер... – будто бы прощаясь, произнес я вслух, а сам положил ледяную ладонь на грудь, где на серебряной цепочке висел кулон с фотографией супруги, подаренный ей еще до свадьбы, и добавил горячо: – Я люблю вас...

И, вытащив из чехла на лямке рюкзака длинный самодельный обоюдоострый нож, высеченный из человеческой кости, – крепко схватил за рукоятку, обернутую в целлофан, перемотанный синей изолентой, и приготовился отражать нападение.

Окончательно доломав шаткий гардероб, расвирепешивший волк, что проделал в нем немало размера дыру, грубым лаем отогнал остальных и первым кинулся на меня. Откатившись вправо, не дав потрошителю возможности обрушить свою чудовищную лапу, я сразу вцепился в плешивую шею, сдавил пальцами и воткнул два раза нож меж оголенных ребер. Волк дико взвыл, закрутил мордой, пробуя вырваться из мертвой хватки, потом оскалился, разок-другой клацнул зубами прямо перед носом, часто и смрадно задышал в лицо.

– Уйди от меня, тварь!.. – кривясь от невероятной вони, процедил я и, не подпуская потрошителя, вонзил клинок в горло. – Уйди!..

Тот завизжал, плюнул горячей кровью, высунул бледно-розовый язык, как-то устало рыкнул и обмяк. Отпихнув от себя мертвого волка – вытер рукавом забрызганные очки, зачехлил нож и метнулся к журнальному столу, на ходу забирая винтовку. В ту же секунду в комнату ворвались еще два потрошителя, быстро обнюхали бездыханный труп и одновременно бросились за мной. С разбега очутившись на подоконнике, я в спешке повесил оружие за спину, повыбивал оставшиеся в раме стекла и, без лишних раздумий, прыгнул. Удачно приземлившись в сугроб, утыканный осколками, – быстро вылез, отряхнулся, набросил капюшон, посмотрел наверх. Из окна второго этажа, вытянув пожженные уши, непрерывно лаяли потрошители, демонстрируя свои страшные угольные клыки, способные, как мне вообразалось, не только пронзить мясо, но и проткнуть металл.

– Гавкайте-гавкайте!.. – передразнивал осатаневших волков. – Но сегодня взяла моя! Лай, лай, неистовый лай...

«Надеюсь, еще не поздно... – подумал я о своем спасенном, – дай бог, еще есть время». И побежал к нему.

Путник лежал на льду из собственной крови, скулил, причитал. Тело уже густо покрыл токсичный пепел, голова, не покрытая шапкой, совсем поседела, будто у глубокого старика. Вытянутое обескровленное лицо, словно у покойника, страшно напряглось, крючковатый нос с широкими ноздрями едва заметно шевелился, густые брови медленно обрастали инеем, зеленые глаза метались по сторонам.

– Это... вы... – с огромным трудом, срываясь на нехороший кашель, прошипел он, – вы... стреляли?..

– Молчи – копи силы, – велел я и обернулся – потрошителей пока видно не было. Дальше снял шарф, как смог перевязал подранную руку, что даже не шевелилась, стряхнул его же шапкой с головы пепел, надел. И задал не то ему, не то себе вопрос: – Где же ты на такую стаю-то напал? Метель ведь была, волки же все попрятались кто куда...

Незнакомец надрывно болезненно кашлянул, захрипел: вероятнее всего – застудил легкие. Потом немного отдышался, стал вдыхать прерывисто, но спокойнее.

– Плохи твои дела, друг... – без тени иронии обратился к нему, – помочь тебе сейчас ничем не смогу – я не врач...

Мои слова буквально затушили в глазах мужчины искорку надежды – те потускнели, сделались холодными, обреченными.

И сразу успокоил:

– Но ты не переживай: у меня жена – врач от бога, и не таким жизнь спасала! – позволил своим губам улыбнуться. – Сейчас только санки соберу – и домой поедем лататься!

Взгляд путника заметно потеплел.

– Ну, вот и замечательно! – кивнул я и, сложив возле него винтовку и рюкзак, достал из бокового сетчатого кармана бутылку чистой воды, дал напиток. – Пей, только не торопись – а то еще вдобавок и горло себе застудишь.

Потом попил сам, убрал бутылку обратно и сказал знакомцу:

– Найду какую-нибудь широкую дощечку – и вернусь.

Тут заметил, как его зрачки стали медленно расширяться, наливаясь чернилами. Он весь задрожал, прикусил бледные пухлые губы.

Мгновенно сообразив, кого тот заприметил, я потянул винтовку за ремень, поднял, сдул пепел, сохраняя спокойствие, оглянулся. Из дома, по-прежнему рыча и прожигая меня глазами, словно раскаленными угольками, вышли два потрошителя и, крадучись, сразу стали разбредаться по разные стороны.

Р-р-р-р!!!

«В кольцо брать собрались... – определил я, – умные, очень умные твари».

Проверив наличие патронов в магазине, каких осталось ровно на один выстрел, – сунул в приемник, дернул затвор.

– Одной пулей двоих не положить... – произнес почти шепотом и, посмеиваясь над самим собой, мрачно добавил: – Такое только в сказках бывает...

Проследив за волком, что намеривался обойти нас с знакомцем справа, – секунду-другую побарабанил пальцами по спусковому крючку, все никак не решаясь потратить последний патрон. Точно почуяв мои намеренья, потрошитель поджал хвост, забоялся, остановился на полушаге. Вместе с ним – и второй: ждал, когда ошибусь или сделаю какую-нибудь промашку, чтобы потом спокойненько напасть.

– Ну же, давайте! – кричал я, целясь то в одного волка, то в другого. – Давайте!.. Чего же вы ждете! Вот они мы – давайте!..

Но потрошители медлили, мяли зеленый снег, подметая обрубками хвостов, угрожающе рычали, обнажали клыки.

– Ну!.. Ну! – требовал я. – Смелее!!.

Волки все выжидали.

– Чего вы, а?..

И здесь случилось чудо – они испугались. Посверлив меня напоследок яростными глазами, волки отшатнулись, помотали головами, отряхнулись от пепла и повернули назад, поспешно скрываясь за домом.

Не веря своим глазам, я еще момент понаблюдал за ними через оптический прицел, все еще ожидая возвращения, но, ясно поняв, что потрошители уже не вернуться, облегченно вздохнул, отложил оружие и – рысью к ближайшей груде обломков, рассчитывая найти там то, на чем можно дотащить до дома умирающего путника...

Среда, 14 февраля 2014 года

О том, что незнакомец, которому Джин всю ночь пришивала практически оторванную руку и поила горячим чаем, отогревая продрогшее тело, скончался, она узнала ранним утром. За окном пока не рассвело. Вдали, за бесконечными черными корягами деревьев и домами, только-только наливалось кровью небо, тихо посвистывал, резвясь со снегом, ветер-утренник, стояла темень. Посмотрев на пустеющую мятую половину кровати, еще не успевшую остыть, Джин тихонько оделась, обулась и молчком прошла на кухню, где увидела мужа. Курт, весь ссутуленный, точно старый дед, сидел на табуретке, дымил сигаретой, молчал. Длинные, по подбородок вороньи кудри волос – растрепаны, заросшие крепкой щетиной щеки нервно вздрагивали, уставшие глаза остекленели, смотрели, неподвижные, в пол. Сам он выглядел каким-то раздавленным, сломленным, ошеломленным.

«Господи, неужели...» – предчувствовала беду Джин.

Сохраняя молчание – приблизилась к супругу. Тот даже не повел головой в ее сторону, продолжал курить.

Сделала шаг, половица предательски скрипнула, Курт, вздрогнув от неожиданности всем телом, повернулся, скользнул по жене холодным тяжелым взглядом, выдохнул едкий дым, посопел. Джин замерла, не отводя от него глаз.

Долго молчали. Никто так и не решался нарушить обострившуюся тишину.

«Видимо, точно...» – со страхом подумала она.

Устав от мучающего вопроса, наконец, спросила прямо:

– Он умер?.. – и подступила к угрюмому супругу ближе, встала возле стола. Вопрос, словно удар камнем по голове, оглушил Курта – он сделал глубокую затяжку, скривился от дыма, торопливо затушил окурок, как-то виновато, что ли, взглянул на Джин. Заметив, что муж заволновался, продолжила: – Я же права, Курт? Права, да?.. Его не стало?..

Посидев, оцепенелый, еще немного, Курт неуверенно, будто сознаваясь в чем-то страшном, один-два раза кивнул и все-таки ответил немногословно:

– Да... – хотел закурить еще, но пачка сигарет опустела. Скомкав – положил на стол. Голос – тихий, безрадостный. И повторил, вздохнув: – Да, Джин... умер. Не спасли...

Глаза у той вмиг отяжелели, по щекам заструились горькие слезы.

– Да какой же я врач после этого... – плаксиво проговорила Джин, закрылась ладонями, будто ограждаясь от всего вокруг. Осознание того, что она, невзирая на большой опыт в хирургии, так и не смогла помочь путнику и, по сути, повинна в его смерти, очень глубоко засело в душе. – Убийца я, самая настоящая убийца... и нет мне прощения. Господи, что же я наделала...

Глухо всхлипнув – опустила на корточки, по-девичьи заплакала, стараясь не разбудить мирно спящую в соседней комнате дочь.

Слезы Джин точно отрезвили Курта, он поднялся с табуретки, подошел, присел, обнял горячо и заботливо, стал пылко целовать мокрые соленые щеки, утешая:

– Ну, в чем же ты виновата, глупенькая? Ну, в чем?.. – молвил муж. – Ты замечательный врач! И сделала все, что смогла! Как же ты не поймешь этого? – и, чтобы окончательно разубедить жену в неправоте, прибавил твердо: – Если уж на то пошло, то здесь я виноват – поздно привез, если бы чуточку раньше... хоть немножко... то...

Джин облегченно вздохнула, поглядела на мужа. С маленьких ресниц скатились последние серебристые капельки, а поалевшие глаза приняли цвет морской волны, заискрились – откровение мужа окончательно убедило, вернуло веру в саму себя.

– Все равно, Курт, я должна была его вытащить... – сокрушительно мотнув головой, промолвила она и, поцеловав Курта, отошла, опустилась на табуретку. – Должна была, и все...

Курт сдержанно улыбнулся, молча обошел ее со спины, положил свои большие теплые ладони на тоненькие, хрупкие плечи жены и произнес легким назидательным тоном:

– Моя дорогая и любимая Джин, ты никому и ничего не должна! Запомни это раз и навсегда! Ты – профессионал своего дела и оказала ему достойную помощь!

Джин слушала со всей внимательностью, периодически кивала, соглашаясь с доводами.

А Курт продолжал:

– Знаешь ли, старый сарай, в конце концов, – не операционная, и выше головы тут не прыгнешь, как ни крути, – потом отошел и закончил: – Да о чем тут вообще можно говорить, если ты ему руку... швейными нитками приделывала!

– Ну, что же тут поделаешь? Чем располагали... – уныло проговорила та, положила голову на супружескую руку и предложила: – Пойдем в сарай? Нельзя его там так оставлять...

Курт молча кивнул, тише кошки прошел к вешалкам, оделся. Следом – и Джин. Потом муж бесшумно открыл дверь, они надели очки и вдвоем покинули дом.

На улице было свежо, тихо. Мороз к утру ослаб, колосился несильно. Холодный ветер развевал волосы, рвался под одежду, раздувал под ногами пепел, будто перину, грозно гудел где-то в понемногу редющей темноте. Вдали отрывками слышался то треск наста, то голодный вой волков, хозяйничающих там, где когда-то обитали люди, – в обветшалых домах и сооружениях.

Ау-у-у-у!!.. У-у-у...

Отворив тугие двустворчатые двери небольшого дощатого сарая, отделанного ржавым железом, с застеленной плотным клетчатым целлофаном крышей, Курт пропустил вперед супругу, сам повернулся назад, долго смотрел вперед, в беспокойный мрак, выискивая зверей, но, никого так и не разглядев, – вошел следом.

Внутри было зябко, ощутимо веяло бензином, застарелостью, машинным маслом. Меж досок и под потолком, словно какое-то тряпье, трепыхалась от сквозняков стекловата, мелодично звенели в стороне мясницкие крюки. Слева стояли две железные бочки с лежащими на них ящиками для инструментов, справа – длинный невысокий шкаф, под завязку набитый банками и всевозможными стройматериалами. В углу же, чуть поодаль от него, ютились две штыковые лопаты, грабли и три запасных черенка к ним.

Джин остановилась на полушаге, замерла, как будто была здесь чужой. Курт прошел к деревянной опоре, удерживающей прохудившуюся часть кровли, не проронив ни слова, запалил от спички лампу – та густо-густо зачадилась, в сарае сделалось светлее, не так угнетающе.

– Идешь? – позвал он жену и как-то настороженно поглядел на нее. Ту пробивала дрожь, глаза из-под прозрачных очков страшно светились – пуще смерти боялась встречи с покойником. – Джин?

– Да... – заторможенно прошептала она, – ...конечно.

Мертвец лежал на полу, на старом матрасе от детской кровати, накрытый до шеи курткой и осенним пыльным пальто вместо одеяла. Глаза – закрыты, лицо и губы посинели, ноги и руки, виднеющиеся из-под кипы одежды, – закостенели.

– Ты тогда лопату возьми, каких-нибудь тряпок и канистру с бензином – землю прогреем, иначе до следующего утра копать буду, – по-хозяйски распорядился Курт, а сам скинул с усопшего вещи, оттащил за ноги к самодельным санкам, на каких и привез сюда поздним вечером, и велел растерянной супруге: – Иди открой двери.

Джин со страхом в глазах посмотрела сначала на мужа, потом на мертвеца и, сглотнув, ушла.

Проводив ее задумчивым взглядом, Курт зевнул и подумал:

«Не знаю, может, и зря его домой привез. Ну, бог мне судья, конечно, но людей бросать на съедение волкам тоже не могу. Не по-людски это как-то, по-звериному...»

И, уложив путника, взялся за толстые бечевки и повез к выходу.

Хоронить решили на маленькой неприметной поляне, в пяти минутах пешего хода от леса, у низенького холма. К тому часу уже совсем рассвело, легко различались окрестности и дальние очертания одиноких домов. Идущий почти весь прошлый день, пепел перекрасил в серые тона изумрудный снег, кое-где прикрыл опаленную траву, торчащую из-под облысевшей земли, перьями усыпал нагие вычерненные стволы деревьев, кусты, пни. Затянувшие небо, словно густыми бровями, темно-багровые облака не давали солнцу показаться, упрямо прятали за собой. Звенящая тишина теперь все чаще и чаще сменялась то рычанием, то карканьем, разлетающимся призрачным эхом по всей округе. А ветер, безобразничающий все утро, совсем приумолк, стал неслышным, где-то затерялся.

Кар-кар!.. У-у-у... у-у...

Раскидав затвердевший снег, Курт вместе с Джин разложил на мерзлой земле смоченные бензином тряпки и поджег. Минуту слабый огонь пожирал обрывки одежды, пыхал жаром, коптил, пачкая снег, а когда потух, оставив после себя лишь золу, супруги приступили к делу.

– Джин, тащи его сюда, – попросил Курт, взялся за лопату и затеял копать яму. Прогретая пламенем почва поддавалась легче, острое входило как в масло, без натуги. Заметив краем глаза, что жена стоит на одном месте, бездействуя, повысил голос: – Джин! – и пальцем указал на тело. – Что ты стоишь?..

– Может, лучше я покопаю? – нервно дыша, вступила в неуместный спор Джин, надеясь поменяться с мужем работой. – У меня бы получилось...

– Джин... – начиная сердиться, пока спокойно произнес муж, – вези его сюда...

– Не могу я – боюсь!

Курт не выдержал, воткнул лопату, оперся на разохшийся черенок.

– Ну что за детский сад у нас тут происходит? – спросил он, глядя на супругу, точно на неразумное дитя. Брови нахмурились, глаза смотрели испытующе, пристально. – Торговаться, что ли, как на рынке будем? Сами себя ведь задерживаем!

Поскольку муж начинал терять терпение, Джин ничего не оставалось, как пересилить себя, подчиниться. Опустив голову – по колено вошла в снег, холодными руками схватила веревки санок, словно удила, и повезла мертвеца к яме. Выкопав ту до нужной глубины, супруги осторожно перенесли туда труп, а далее Курт засыпал его землей и разровнял лопатой.

Замолчали. Оба глядели на только что зарытую могилу пустыми глазами.

– Пойду ветви потолще поищу, – прервал безмолвие Курт, передавая жене лопату, – крест поставлю.

– Зачем? – задала глупый вопрос Джин и сама же смутилась, мысленно вынесла укор.

Тот вдумчиво глянул на нее, ответил:

– Он же не собака, в самом деле, а человек. Надо как полагается проститься...

И удалился в лес.

Через некоторое время вернулся с двумя толстыми заиндевевшими ветками. Вытащив лоснящуюся веревку из санок – связал их крест-накрест, воткнул в могилу, встал рядом с Джин.

– Вот... – с какой-то неловкостью протянул Курт через минуту, желая хоть чем-то разбавить гнетущее молчание. – Теперь хорошо, по-христиански.

Джин не ответила: не осталось на это ни слов, ни сил – похороны полностью опустошили.

– И даже ничего о нем не знаем, – нерадостно промолвила она после затянувшейся паузы и перечислила: – Ни имени, ни кто он такой, ни откуда – ничего.

– Ну, почему же, – не согласился супруг, – кое-что он мне все-таки успел о себе рассказать, когда вез его к дому. Звали нашего гостя Баз, пребывал в Гримере – запасался товарами, потом узнал об арене, сулящей в случае победы над серией противников хороший куш, победил, набрал добра и сделал ножки к югу. Однако уйти ему спокойно так и не дали – «Стальные

Вараны» устроили погоню. Чтобы оторваться от преследователей – пошел другой дорогой и нарвался на группу потрошителей...

– Ужас... – лишь проговорила Джин, похолодев от таких подробностей. – Лучше бы отдал им все, зато, может, живым остался...

– Наивная ты, Джин, я не могу, – усмехнулся тот, – все равно бы его никто вот так просто не отпустил. Ну, допустим, вернул он им все – и что дальше? Думаешь, они ему после этого руку бы пожали и счастливого пути пожелали, что ль? – Курт даже засмеялся. Жену этот смех немного обидел, но она решила деликатно промолчать. – «Стальные Вараны» – не сестры милосердия, милая. Жалеть всяких бродяг вроде него уж точно не станут, в лучшем случае – отберут все до мелочи, и дай бог отпустят удирать в одних трусах. – И закончил со знанием дела: – Иначе делать надо было...

– Продыху от этих бандитов нет, – со злостью произнесла Джин, сжав с какой-то ненавистью лопату, – честным людям даже в город зайти нельзя за покупками! Когда же их всех перебьют, скотов!.. Когда мы все вздохнем спокойно! О каком тут будущем тогда думать можно...

Курт пожевал губами, намереваясь что-то вставить, но потом передумал и перевел разговор в иное русло:

– Он мне, между прочим, сообщил, где обронил свой рюкзак. И я хочу сегодня за ним сходить... – заявил он, обращившись к жене. Глаза азартно загорелись. – Не пропадать же добру, верно? Тем более, если он доверху забит припасами.

– Дома тебя вообще не удержать... – вздохнула Джин и, насупившись, подумала с грустью: «А ведь сегодня День святого Валентина...»

По взгляду и голосу догадавшись, что гложет Джин, Курт улыбнулся и произнес:

– И да, я не забыл, какой сегодня день! – и сразу продолжил: – Подарок тебя и Клер будет ждать дома. Договорились?

Джин расплылась в улыбке.

– А теперь пойдем, пока дочка не проснулась, – заторопился Курт и опасливо прибавил: – И пока еще безопасно...

***

Взгромоздившись на поваленную железобетонную стену, покрытую зеленоватой наледью, я оперся рукой на витиеватую разъединенную арматуру, частично скрытую под изморозью, и внимательно оглядел местность, куда прежде не заходил так глубоко. Вокруг – пустынно, жутко, безветренно. Грязный пепел запачкал руины давно разоренных домов, лег тяжелой шапкой на плафоны уличных фонарей, крыши грузовиков, покоробившиеся столбы, надежно скрыл ранее проложенные безопасные маршруты собирателей и охотников. В стороне от них, возле мертвого леса, бродили небольшие своры потрошителей, периодически копошащихся в пепле, рассчитывая отыскать какое-нибудь пропитание, ближе к развалинам прогуливалось семейство мясодеров – крупных ободранных вепрей, уже как много лет использующих человека в качестве основного рациона питания. А по небу, наглухо закрытому мохнатыми тучами, нередко проносился с десятков костоглотов – крикливых облысевших костлявых и очень опасных ворон, без особого труда дробящих своими кривыми крепкими клювами кости любому даже через теплую одежду или шкуру.

Хрю-хрю!.. Кар-кар...

– Что ж ты, Баз, так далеко свой рюкзачок-то запрятал?.. – негромко проговорил я, переводя оценивающий взгляд то на мясодеров, где один из них ударом гнилых клыков перевернул

легковую машину, то на потрошителей, поднявших уши от раздавшегося грохота. – Как же мне теперь мимо них к Кипящему Озеру-то выйти?..

Придя к выводу, что самый безопасный путь – придерживаться правой стороны от домов, – потуже затянул лямки рюкзака, оправил винтовку и спрыгнул со стены на некрутой склон, утыканный крохотными, но жутко острыми кустарниками.

Соскользнув по нему, поднимая целое облако пепла, я укрылся за обмерзшим отбойником и настороженно посмотрел на пасущихся впереди вепрей, опасаясь быть замеченным. Но те даже не подумали повернуть свои кряжистые грузные рыла в мою сторону и, как ни в чем не бывало, продолжили выстукивать заскорузлыми копытами по асфальту, выискивая среди изгари и снега то, чем можно прокормить себя и потомство. А вот их заметил не сразу – их поросята, тихонько похрюкивая, боязливо прятались за взрослой неуклюжей мамашей, роющей в перевернутой помойке, и не отходили от нее ни на шаг. Потрошители же, унюхав свинят, приближаться не осмелились – знали: мясодеров, особенно тех, кто стережет выводок, трогать не следует – моментом вспорют брюхо. Потому ждали удобного момента, суетясь вдалеке, как шакалы. Вепрей такой расклад полностью устраивал, и покидать дорогу они пока не собирались, автоматически становясь для меня проблемой номер один.

Ругнулся, вздохнул – нужно было что-то делать.

«В открытую выйду – погонятся, – рассудил я, – а отсиживаться буду – глядишь, и вороны подтянутся. И тогда уже никуда от них не деться, если только бежать во-о-н до того подъезда или нырять под какую-нибудь машину. Да разве ж все равно спасешься? – и там достанут, собаки».

Однако ни тот ни другой вариант меня совершенно не устроил, и я решил идти вдоль отбойника, какой, к огромному счастью, и неплохо закрывал от плотоядной живности, и тянулся почти до конца улицы, резко обрываясь упавшим столбом. Если последовать дальше и никуда не сворачивать в течение часа, то можно выйти к одному хорошо известному мне ориентиру – средней школе, а за ней, в двух днях пути, – и сам Грим – очень богатый и влиятельный город в Истлевших Землях, куда ради продажи нажитого стекается всякий разношерстный контингент.

Проделав несколько десятков шагов – снял с плеча снайперскую винтовку и на всякий случай глянул назад – мясодеры меня не унюхали, и за осыпавшимся в некоторых местах домом было хорошо слышно, как шебаршат под их массивными копытами пластиковые бутылки, битое стекло и жестяные банки.

«Ну, вроде проскочил... – с облегчением подумал я, но прибавил нерадостно: – Дальше будет сложнее...»

И оказался прав: стоило дойти до рухнувшего столба, условно делящего улицу на две части, – справа, из-за вытянутого кирпичного строения вблизи перекрестка вышла крупная стая бродячих собак. Украдкой проковыляв по тротуару, самый большой и юркий пес с ввалившимися глазами и ободранной шерстью вдруг замер, поднял кверху облупленный нос и, поцокав тупыми когтями, с подозрением сипло рыкнул, давая всем понять, что где-то неподалеку находится человек. Остальные собаки – все разных пород и размеров, – роняя на пепел косматую шерсть, послушались вожака и рассыпались по дороге, словно грязные комья, приступив к патрулированию территории.

– О чем я и говорил... – обратился к самому себе, следя за перемещением дворняг. Те прочесывали улицу, неуклонно приближались. – Теперь главное притихнуть и дать им пройти, не поднимая шума. В противном случае поднимут такой лай, что на него сбежится и слетится все что можно.

Р-р-р-р!..

На цыпочках отойдя от столба и отбойника – закрылся шарфом до самых очков, подтянул до подбородка воротник, опустил пониже капюшон и, вопреки чудовищной опасности,

улегся прямым в пепел, за растопыренным шипастым кустом, ожидая, когда пройдет свора. Не прошло и пары мгновений, как рычащий вожак перепрыгнул через столб, следом подтянулись другие кобели и суки, и все, кроме одного бесхвостого пса, свернули во дворы. Тот, будто опытная ищейка, сначала придиричиво понюхал пепел, потом целенаправленно подошел к отбойнику, за которым я прятался минуту назад, и занялся рядышком петлять, пытаюсь уловить мой запах.

Сердце в моей груди тут же заколотилось молотилкой, нестерпимо зажгло, тело от испуга точно одеревенело, перестало слушаться, к вискам прилила кровь.

«Уходи, собака! – мысленно прогонял его. – Уходи! Пошел прочь! Уходи!..»

Но пес и не думал уходить. Вместо этого он еще разок-другой покрутился перед отбойником, поводит облезлым носом по холодному металлу и вдруг сиганул через него, оказавшись едва ли не рядом со мной. Шерсть на морде – разъедена пеплом до голой кожи, одно ухо сломано, подслеповатые обожженные глаза светились зловеще, совсем не по-звериному, тошнотворно разило псиной.

Р-р-р...

«Ну, все... – с ноткой отчаянья думал я, – найдет сейчас, точно найдет...»

Сделав два коротких шага, кобель устоялся на кустарник, как-то старчески вздохнул, и я уже приготовился выхватывать нож, чтобы прикончить его до того, как успеет меня обнаружить, но в этот момент с той стороны, где находились мясодеры, зазвучал собачий визг и пес молнией бросился туда, тотчас забывая о моем существовании. Подождав, когда он удалится на достаточное расстояние, – вскочил, кое-как отряхнулся и – опрометью через пустую улицу, сворачивая на перекрестке налево.

Неистовый лай, рев, опять лай...

– Надо рвать отсюда когти, – на бегу дал себе наставление, держа курс к не полностью обрушенному продырявленному бетонному забору, – и как можно скорее.

Р-р-р!!

Бежал до тех пор, пока вся эта какофония из собачьего лая и яростного рева вопреки, ошеломляющего даже с такой дальности, не осталась далеко позади. Затерявшись среди старых складских ангаров – проник в один из них через рваную щель и, бегло осмотревшись, скинул рюкзак, капюшон, винтовку и устало опустился на потемневшую от старости деревянную кабельную катушку, растирая гудящие от долгого забега икры. Все огромное, просторное помещение заняли штабели неиспользованных в строительстве бетонных плит, кирпичей, деревянных балок, вдоль стен, забитые коробками, тянулись высокие, под два этажа, металлические стеллажи красного цвета. Левее стояли два пикапа с нанесенными на кузовах яркими нестертыми надписями Majestic Express и погрузчик.

– Ну, здесь хоть дух перевести можно, – подметил я, осматривая проржавевший потолок, потом расстегнул рюкзак, вытащил компактный горячий термос, дочкин салат в маленькой пластиковой миске, вилку и, почмокав губами, довольно добавил: – И подкрепиться!

Открутив плотно закрученную крышку – плеснул заваренный Джин чай и стал обедать. Кушал молча, торопливо, всякий раз бросая опасливый взгляд на дыру, через которую пришел сюда. Внутри ангара – гробовая тишина, как в мавзолее, пахло древней краской, замшелостью, стариной, где-то в глубине чуть слышно туго поскрипывал металл, иногда шумели картонные коробки на запаленных полках, кое-где на полу виднелись хлопья пепла, однажды занесенного сюда ветром. И только редкое далекое уродливое карканье костоглотов, расплывающееся по всей округе, словно рев паровоза, прерывало минуты драгоценного безмолвия, вынуждая волей-неволей оборачиваться к дверям и с замиранием сердца смотреть на небо, дожидаясь их появления. Но те, к моему удивлению и облегчению, не появлялись, означая только одно – они летели не сюда, а к месту стычки между зверьми, намереваясь полакомиться еще теплой плотью и косточками свежих трупов.

Кар!.. Ар-ар-ар... Кар!.. Ар-ар-ар...

Когда я на минуту представил это – меня передернуло, кусок не лез в глотку. Невольно всплыл в голове один страшный случай, когда прошлой весной одна вот такая вот стая, пролетая над нашим домом, атаковала жену, мирно возившуюся в теплице. Не отпугивали ворон ни залпы из винтовки, ни даже понесенные с их стороны жертвы – они стоически рвались к кричащей Джин, прорывая своими твердыми клювами и когтями даже плотный материал, держащийся уже далеко не один сезон. Помог только взрыв последней оставшейся в доме гранаты, купленной у крупного оружейника в Гримере, что прогнал одержимых крылатых тварей прочь и до смерти перепугал дочку, все это время прячущуюся под кроватью в своей комнате. С тех пор жена, выходя на улицу, со страхом смотрит в небо, а маленькая Клер, начитавшись разных мифов и сказок о невиданных существах, прозвала их жутким прозвищем «костяные демоны» и теперь постоянно закрывает ладошками ушки, едва слышит вдали узнаваемое всеми картавое карканье.

– Ну что, пора в путь-дорогу?.. – задал себе риторический вопрос и, осушив до дна остатки чая, ощущая, как по телу разливается бодрящий жар, прикрутил крышку обратно к термосу, поставил на катушку рядом с пустой миской. И опять с тревогой, прокручивая в голове оставшийся маршрут, вздохнул: – Идти еще черт знает сколько. Как бы к ночи домой не вернуться. Из графика совсем выбиваюсь со всеми этими форс-мажорами, а мне в него надо уложиться кровь из носа.

Мысленно прикинув требующееся время на то, чтобы благополучно добраться до Кипящего Озера, отыскать там рюкзак База, переложить все к себе и вернуться обратно, – обомлел: в сроки, даже если мчаться, не слыша под собой ног, – поспеть нереально, а организовывать ночлег в незнакомой местности – пятикратный риск.

Быстро собрав рюкзак – взвалил на плечи, поднял оружие и, с какой-то особенной тоской взглянув на понемногу развеивающееся небо, открывающее мне свою вечную незаживающую рану, покинул временную стоянку.

Снаружи к тому моменту возобновился ветер. Быстро крепчая, он мигом взлохмачивал лежащий на земле, словно грязно-серый пух, пепел, поднимал ввысь, уносил то влево, то вправо, закручивал в невероятных вихрях, с пронзительным хрустом ломал замороженные ветви, стирал, будто щеткой, иней со столбов, фонарей, светофоров и рекламных щитов. За какие-то доли секунды видимость упала до нуля, над домами растянулась непроглядная седая кисея тумана, скрывающая дома, сверху обильно сыпалась зола, стало заметно холоднее, дышалось с трудом.

Гу-у-у-у... Гу-у-у-у...

Уйдя с территории складов через поваленные ворота, я вернулся к дороге, ведущей ровно на север, и осторожным, размеренным шагом пошел по ней, держа винтовку наготове. Уже очень скоро она повела вниз, по плавному склону, и мне пришлось держаться за свисающие со столбов оторванные провода, дабы ненароком не поскользнуться на скрытом под пеплом льду и не разmozжить голову о бампер какой-нибудь машины, едва различимой во мгле.

– Мне вот интересно, как он в такую глушь-то лезть не побоялся?.. – кряхтя и чертыхаясь, спрашивал у самого себя, крепко-накрепко цепляясь за оголенные провода безо всякой изоляции. Спрыгнув с помощью них на крышу легковушки – отпустил и продолжил свой монолог: – Здесь мне-то идти непросто, хоть я и далеко не новичок в таких делах, а тут этот товарищ... – и спустился на асфальт. Под ногами хрустнул лед, лязгнул металл дорожного знака. – И вот хоть убейте меня, что-то мне подсказывает, что Баз – далеко не тот, за кого себя выдает... – а закончил уже не вслух: «Хотя кто его знает. Может, подфартило, такое зачастую бывает...»

Так, ступая с предельной осмотрительностью, и сам не заметил, как дошел до конца улицы. Ветер начинал терять свою разрушительную силу, прекращал терзать деревья, громыхать уцелевшей жестью балконов, тяжелыми баннерами, хлопать капотами автомобилей, катать

по земле сорванные части сетчатых заборов. Вместе с ним развеивался и туман, мигом накрывший ближайšie дома, закончился пеплопад. Избавившееся от многочисленных разбухших облаков, как от непосильной поклажи, пунцовое небо ощутительно прояснилось, как-то повеселело, заиграло симфонией рыжих солнечных лучей. Они бесконечным потоком струились на землю, вытравленную за много лет, искрились в отражении не выбитых стекол, отсвечивали медно-золотым блеском ото льда и прогнивших остовов, играли на разный лад на снегу, надеялись красками даже ядовитый тлен.

«Эх, красиво-то как! – с восхищением подумал я и, поглядев на солнце, вздохнул: – Если бы небо опять прежним стало, глядишь, и день посветлее был».

Кар!.. Кар...

Перебежав через пешеходный переход с огромной застывшей лужей бензина и светофо-ром, расколотым вдребезги от удара об дорогу, – спешно скрылся за оторванной цистерной бензовоза, высунулся. Возле третьего по счету дома, два потрошителя, выбеленные пеплом, доедали останки дворняг, смачно хрустя сухожилиями, а немного в стороне, грозно каркая, кучка костоглотов делила меж собой пожелтевший человеческий череп, то и дело роняла на лед, будто шар для боулинга. И все осложнялось тем, что обосновались они не где-нибудь в подворотне, а, как назло, именно возле высокого облупившегося забора парка, куда мне и нужно было попасть. А через него уже не составит никакого труда добраться до Озера – это приблизительно двадцать минут и еще где-то плюс-минус пять-десять сверху с учетом зарослей и сугробов. В общем-то, потеря во времени складывалась пустяковая, если учитывать вдобавок и знание точного места, где путник припрятал свой рюкзачок – под старым деревом у самого берега, но вот проклятые вороны могли с легкостью спутать все планы. И тогда выигранные, так сказать, бонусные секунды сгорят в мгновение ока, вынудив меня коротать время здесь не только до вечера – какого оставалось ждать недолго, – но и до поздних сумерек. Говоря иначе – дела складывались далеко не в мою пользу.

– Я хочу искренне надеяться, что этот рюкзак буквально ломится от припасов, в худшем случае проделанный путь окажется напрасным и домой вернусь либо с какой-нибудь ерундой, либо и вовсе ни с чем, – недовольно пробормотал я, уже начиная потихоньку сомневаться в искренности слов База – спасенный путник мог попросту обвести меня вокруг пальца, сыграв на любопытстве. – Что ж: поверим ему на слово. Ответ я получу лишь тогда, когда увижу все сам.

Минуты неуклонно тянулись, утекали сквозь пальцы. Солнце успело несколько раз спря-таться за тучами, плавно сместилось к западу, начало понемногу клониться книзу, завершая день. Небосвод медленно темнел, приобретая пурпурный оттенок, отбрасывал неяркий отблеск на потускневшую цистерну.

«Что ж делать-то, а?.. – начинал я нервничать. – Стрелять, что ли?..»

Вытащил магазин, посмотрел и вмиг передумал: в нем всего три патрона – больше не было ни с собой, ни дома.

Но тут ситуация приняла неожиданный оборот – вороны посягнули на добычу потрошителей и между ними вспыхнула жестокая грызня. Не желающие просто так отдавать свой хлеб каким-то жалким падальщикам, волки тотчас набросились на костоглотов, что потеряли всякий страх перед грозными хищниками. В ответ на них полетела целая туча костлявых пер-натых, осыпая на конкурентов град острых, как стилеты, клювов. Послышались сдавленные вопли. Один потрошитель, не выдержав такого свирепого натиска, свалился, по-собачьи заску-лил, поджал хвост и сразу же получил в лоб последний смертельный удар. Не успел он испу-стить дух – над телом мигом сгрудились костоглоты, стремясь как можно скорее выцепить себе самый вкусный и жирный кусок. Не дали унести лапы и второму потрошителю: едва тот надумал бежать за дома, как птичий рой насмерть заклевал прямо на бегу, не позволив даже завернуть за угол.

Побледнев от увиденной картины беспощадной расправы, я принял решение не затягивать с таким шансом и рванул к воротам. Перекинув через верх рюкзак – впопыхах пролез, подобрал вещи, с ужасом на лице оглянулся, наблюдая исступленное терзание костоглотами волков, перекрестился и на всех парах помчался вглубь парка. Уже через несколько минут бега ноги намертво вязли в густом серовато-зеленом снегу, зарывались едва ли не до бедер, и мне пришлось ступать, опираясь на приклад винтовки, как на посох, чтобы попросту не упасть. Мешались и кусты. Острые, окутанные льдом ветви царапали очки, драли куртку, чиркали по плотным лямкам рюкзака, а шипы, что пониже, играючи прокалывали штаны, резали и кололи в кровь руки, словно иглы дикобраза. И защититься от них никак не получалось: как ни закрывался руками, ни изворачивался – они тем не менее все-таки умудрялись вонзиться то в ладони, то в колени, доставляли массу хлопот.

– Разрослись же, суки такие... – отмахиваясь от ветвей, хлещущих по щекам не хуже бича, раздраженно проговорил я, – хрен пролезешь – всю рожу себе раздерешь!..

Колючая чащоба, запущенная без длительного внимания человека, выпустила из своих цепких объятий с большой неохотой. После долгих блужданий, весь уставший, ободранный, точно бездомный лесник, сидевший в самой глуши без еды и воды, – сумел-таки выбраться к заснеженному берегу небезызвестного Кипящего Озера, где практически сразу натолкнулся на искомое – высокое, скрюченное в серпантин дерево с толстыми промерзшими ветвями, буквально крошащееся от старости. А сразу под ним, у вздыбившихся дугообразных корней – заветный рюкзачок База, так и не доставшийся ни «Стальным Варанам», ни кому-либо еще. Само же Озеро, бесконечное, кипящее круглый год вплоть до крепких морозов, заковалось ярко-зеленым льдом, устелилось, словно пушистым одеялом, снегом и пеплом, мечущимся из стороны в сторону при каждом порыве ветра. И на самом краю, в густеющей темноте, за малюсенькими домами, горящими в пламени заката, догорало солнце, грозило вот-вот потухнуть.

«Добрались, слава тебе, Господи», – с невероятным облегчением помыслил я, а вслух сказал:

– Теперь надо все быстренько забрать и следы за собой замести, чтобы кто-нибудь за мной не увязался.

И, очистив рукавом винтовку, прислушиваясь к призрачному гоготу ворон, все еще резвящихся вблизи парка, – не спеша побрел к рюкзаку.

– Ну, сейчас и посмотрим, чем ты успел разжиться... – с какой-то недоверчивостью произнес я, не отдирая с него глаз. – Не разочаруешь ли ты меня?..

И только до рюкзака оставалась какая-то пара шагов – внутри как будто что-то зажгло, дыхание перехватило, а руки разом взмокли: тот – идеально чистенький, без крошки снега или золы. И это несмотря на то, что сравнительно недавно прошел пеплопад, а ветер у Озера вообще не перестает дуть ни на секунду!

«Что-то здесь явно не так... – засомневался я, – не может быть так, что на нем ни льдинки нет...»

В этот момент рядом со мной взорвались кучи примятого снега, на какие вначале даже не обратил внимания, и из них тотчас выскочили три человека в серо-белом камуфляже, вооруженные потертыми автоматами с потресканными штурмовыми прицелами и глушителями. Лица рассмотреть не удалось – спрятаны за респираторами с тонированными стеклами и прикрыты утепленными капюшонами. Снаряжение на всех выглядело далеко не дешевым, и у меня просто не осталось сомнений в том, кто бы это мог быть – «Стальные Вараны». Только этой фракции, состоящей преимущественно из бывших военных, под силу организовать такую продуманную и хорошо спланированную операцию на незнакомой территории, не поднимая при этом никакого лишнего шума.

– Засада... – успел обронить я, прежде чем один из «Варанов» – плечистый и крупный с виду мужчина – не дернул затвор и не велел мне жестом вставать на колени.

Я покорился, плавно плюхнулся в снег, пока не выпуская из рук оружия.

«Как же глупо, черт побери, а... – мысленно корил себя, – как непредусмотрительно, опрометчиво...»

– Пушку в сторону кидай! – пробасил все тот же налетчик. Остальные двое – по всей видимости, пешки – пока помалкивали, целились через прицелы – ждали, когда им будут отданы соответствующие приказы. – И рюкзак свой не забудь. И без глупостей – положим на месте!

После этих слов вся группа напустила на себя серьезности, внимательно следя за каждым моим действием.

Учитывая пожелания – без лишней суеты бросил в снег снайперскую винтовку, следом рюкзак, а сам стал смотреть за их реакцией. Но те почему-то не торопились забирать добытое, медлили, мялись, тянули время, словно начисто позабыли то, зачем, собственно, и вылезли из-под сугробов. Такие изменения в поведении мне хорошо знакомы еще с прошлого и могли означать только одно – они ждали вовсе не меня, а База.

Фраза, произнесенная, на мой взгляд, самым молодым «Вараном», стоявшим слева уже с трясущимися от веса автомата руками, лишь подтвердила мои догадки:

– Постойте-ка... – и повернул голову к другим: – Это же не он!

– С чего ты взял, что не он? – огрызнулся тот, что приказал разоружаться.

– Тот пониже был, в шапке... не помните, что ли, ни черта?..

– А этот тебе что, не подходит?

Молодой «Варан» повернулся ко мне, помотал головой:

– Я же говорю: тот был ниже ростом, одежда другая... потрепанный весь...

Пока они, словно стервятники, обсуждали мои внешние данные, сравнивая то и дело со своей главной целью – Базом, – приступил к действию.

«Разговаривайте-разговаривайте, – мысленно подзадоривал я, – только секунду мне еще дайте...»

Вскоре к разговору присоединился третий член группы – худющий, но высокий бандит, не проронивший до этого момента ни слова:

– Да какая разница, кому пулю в лоб пускать?.. Давайте его...

Костяной нож, со свистом разрезав воздух, сочно вошел в горло, так и не дав досказать, он всхлипнул, захрипел, уронил автомат и, схватившись за рукоять обеими руками, замертво повалился на снег, стремительно тающий от горячей крови.

Не теряя ни секунды, я с разбега ушел в кувырок, выдернул клинок из чужой шеи и очутился прямо перед лицом у второго опешившего «Варана», какой, скорее всего, и возглавлял группу.

– Ах ты ж... – растерянно бросил он, машинально направил автомат.

Ловко поставив на предохранитель – вытащил рожок, вонзил налетчику нож под подбородок и потянул на себя, закрываясь как щитом. Тот еще пока был жив, из-под респиратора слышалось бульканье, хрип, руки отчаянно пытались достать до меня. Не отпуская его, я обратился к последнему:

– У тебя еще есть шанс уйти. Слышишь?.. – и выглянул через плечо «Стального Варана»: молодой бандит будто окаменел, стоял, не шевелясь, испуганно дышал. Дуло автомата клонилось все ниже и ниже к земле. – Парень?..

– Н-не убивайте... – взмолился он, – я не хотел с ними идти – они заставили меня!

Твердо зная, что стрелять «Варан» уже не станет, – вынул нож, отбросил скончавшегося налетчика и сделал шаг вперед.

– Н-н-не надо!.. – заикаясь, повторил парнишка, непроизвольно подался назад. – Я никому не расскажу о том, что здесь произошло! Клянусь жизнью!

Я скривился, сощурился – бандита стало жаль.

– Тихо-тихо-тихо... – попросил я, не спуская с него глаз, обтер снегом костяное лезвие, – ты это... оружие-то от греха подальше выкинь в кусты. А то я свои слова назад живо заберу.

Тот мигом запульнул автомат в кусты, отошел вправо.

– Другое дело, – одобрил я, покрутил в руке нож. При виде этого нервы парня не выдержали, он в голос завыл, ноги подкосились. – Ну ты даешь... мужчина ведь...

Застыдившись своей же слабости, молодой «Варан» по-мальчишески закрылся руками, потом упал на снег, но рыдать не перестал.

«Вот что мне с ним делать? – мучился вопросом. – Отпущу вот так вот – задерут, а оружие дам – может и отместить».

И заявил сурово, как какому-то новобранцу:

– А ну поднимайся! Кончай ныть!

Парень поспешно вскочил, затих. Подошел к нему ближе и заговорил:

– Завязывай с этим шоу. Я серьезно говорю: завязывай. Что за детский сад?

– Вы меня не убьете?.. – опять заладил тот надломленным голосом. – Обещаете?..

– Как вести себя будешь, – уклончиво ответил я, – все зависеть будет от того, как ты ответишь на мои вопросы...

И направился к рюкзаку База. Он – большой, туристический, очень вместительный, с целой кучей лямок, карманов и защелок. Приподняв – обрадовался: тяжелый, явно заполненный чем-то стоящим.

– Ты там уснул, что ль? – вновь обратился я к морально сломленному «Варану», стойко хранившему молчание, как на допросе. – Или язык отсох? Мне условия напомнить?

– Я помню... – мигом оживился парень, – что вы хотите знать?

– Ну, для начала – кого вы здесь дожидались и почему? – и вскрыл рюкзак: внутри – масса консервов, обоймы от пистолетов, магазины к винтовкам и автоматам, две пулеметные ленты, связка осколочных гранат и... деньги. Много, семь пачек, и все аккуратно завернуты в пожелтевшую газету. На одной из них имелась броская надпись: «собственность банка Дако». Опешив, тихо пробормотал: – Нормально так... – незаметно пересчитал первые три пачки – сумма уже уходила за шесть нулей. – Вот же Баз, вот засранец... главаря обокрасть успел... – Потом подумал про себя: «Я как знал, что он не простачок! Прямо сердцем чувствовал!»

– Мы здесь должны были дожидаться человека по имени Баз... – начал, наконец, объяснять бандит, – он пренебрег правилами участия в турнире, взял в заложники одного из наших людей, пробрался сначала в арсенал, потом в банк и – бежал. Мы выследили, где он оставил свой рюкзак, и решили организовать возле него засаду, прекрасно понимая, что тот рано или поздно объявится и вернется за ним. А дальше...

– Ясно, – остановил я, – можешь идти. Слово свое я сдержу.

Бандит завертел головой, словно думая, куда бы побежать, засуетился на месте.

– Автомат свой не забудь. Без него до Грима не дойдешь, – присоветовал я и, кинув ему две банки консервов, продолжил: – На вот, подкрепишься, отсюда до него два дня пути, но в твоём случае – три, если не больше.

Парень сердечно поблагодарил:

– Спасибо! – и уже приготовился бежать, но я тормознул:

– Дорогу-то хоть помнишь?

– Найду.

– Ну, смотри...

«Варан» забежал в кусты, вытащил автомат и помчался в сторону Озера.

– Стой! – крикнул вдогонку. Тот резко остановился. – Если кому разболтаешь о том, что видел здесь, – больше не помилую. Тем более что я частенько заглядываю в Грим и много кого знаю лично. Ты меня понял?

– Понял... – обреченным, паническим голосом ответил паренек.

– Ступай.

Глядел вслед, пока он не скрылся за высокими деревьями парка. Потом порылся по карманам трофейного рюкзака, где нашел ПНВ¹ с комплектом батареек, два девятимиллиметровых пистолета и армейский бинокль.

«Настоящий клад! – отметил про себя. – За такую находку даже знакомые охотники в глотку вцепятся. Интересно, как к этому отнесется Джин?..»

И молча зашагал к своему рюкзаку, готовясь набивать добытыми консервами и патронами.

---

¹ *Прибор ночного видения. – Примеч. авт.*

Воскресенье, 18 февраля 2014 года

С возвращением Курта дела семьи Флетчеров пошли в гору. Припасов он принес так много, что об охоте и вылазках в заброшенные дома можно было пока даже и не вспоминать. Впервые за долгие годы появились излишки боеприпасов и оружия. Дочка, никогда не евшая до этого времени никаких деликатесов и сладостей, с сияющими от счастья глазами кушала консервированные ананасы, персики и кукурузу. Супруга, варившая в основном одни супы из мяса, костей и хрящей волков, теперь по-новому привыкала к хорошо забывшимся бобам, фасоли и тушенке, спеша разнообразить ими донельзя приевшиеся блюда. Будто находившаяся в длительной спячке, кухня заблагоухала аппетитными запахами и ароматами, так и манящими своих жильцов к столу. Не сидел без дела и Курт. За четыре дня, проведенных дома, он отремонтировал тарахтевший старенький генератор, полностью починил крышу в сарае, заточил лопаты, заменил черенки, устранил все щели в стенах, отремонтировал пол и ветхую мебель, проверил и пристрелял все имеющееся в наличии вооружение. Находилось у него время и на жену, и на дочь, мог возиться с ней часами. Когда же никакой работы не намечалось – подолгу спал или, лежа на кровати, смотрел в окно, на красное небо, прикидывая, куда бы отправиться в следующий раз, где еще набрать припасов. Не покидала его навязчивая мысль о походе к супермаркету, отмеченному еще несколько дней назад, но любые разговоры по этому поводу с Джин приводили лишь к ненужным ссорам и недопониманию. Оно и понятно: ей хотелось, чтобы муж оставался рядом с семьей, а ему – принести что-то в дом, накормить своих родных.

Однако к этим, в общем-то, повседневным проблемам прибавилась и другая – огромная сумма денег, оказавшаяся выкраденной из банка лидера фракции «Стальные Вараны», покровительствующего над всем Гримом. Их держание дома подвергало всех страшной опасности, от какой не найти уже никакого спасения. В любую минуту дня и ночи могли нагрянуть вооруженные люди, и тогда хрупкому миру, обитающему в этих стенах, пришел бы печальный конец. Несмотря на все уговоры супруга оставить валюту в кладовке, где она будет лежать, пока тот не придумает, что делать дальше, Джин категорически настояла на том, дабы она хранилась не в доме, а в сарае – самом безопасном, по ее мнению, месте. Курт, в свою очередь, решил отложить этот разговор на потом, обещая вернуться к нему, когда все более-менее устоится.

Состоялся он утром, за завтраком. Убрав за Клер тарелку, Джин подождала, когда дочь отправится в свою комнату, села за стол и подняла старую тему:

– Курт, надо что-то делать с деньгами, оставлять их у нас опасно, – серьезно посмотрела на мужа. Тот, какой-то загруженный, задумчивый, мрачный, пока помалкивал, сосредоточенно шуршал вилкой по тарелке, собирая бобы в томатном соусе. Не увидев должной реакции – продолжила: – Те, кому они принадлежат, ни перед чем не остановятся, чтобы их вернуть. Ты ведь знаешь...

Курт глянул на нее исподлобья, нахмурил тонкие брови.

– Сначала еще пусть нас найдут! – слегка повышенным тоном отозвался он и задержал на глазах супруги свой пылкий взгляд. Те даже не мигнули, смотрели на него спокойно, смело, лишь в зрачках кружилась какая-то досада от такого ответа. – Не так-то это и просто! Да и следы я все перепутал, до дома специально шел окольными тропами.

– Откуда ты это можешь знать? – пыталась вопросом жена. – Если ты сам говорил, что они этого База уже поджидали! Значит – и нас выследят!

Супруг молчал. Молчал долго. Потом ответил рассудительно, уверенно:

– Опытного следопыта сложно выследить, – и, посопев носом, филигранно подцепил вилочкой боб, макнул в соус, положил в рот, – это целое искусство, Джин. Среди тех, с кем я встретился на берегу Кипящего Озера, мастеров такого уровня не нашлось. Может быть,

таковые есть в Гримере, но не уверен. Так или иначе, чтобы организовать грамотную слежку за кем-либо, пускай даже за простым охотником, нужно хорошо знать местность, уметь ориентироваться. Ко всему этому необходимо долго и упорно готовить, обучать, тренировать, а это – далеко не один год. Сомневаюсь я, что Дако будет так пекаться о своих людях, ему, в конце концов, не очень-то это и надо. К тому же дилетантов у него в строю и так мало, да и те быстро всему научатся. – Потом собрал остатки, доел, отодвинул в сторону пустую тарелку и закончил: – Ну и плюсом ко всему – Истлевшие Земли. Зимой, может, еще можно где-то бродить группами, а весной? Летом? Осенью? Да еще и хищники, рыскающие повсюду! Ты представляешь себе, как это опасно? Никто не станет жертвовать собой даже ради таких сумм! Таких сумасшедших просто не найдется!

Не выдержав напора мужа, Джин все же сдалась, устало выдохнула.

– Ладно, – ласково произнесла она, поверив словам, – пусть остаются у нас, – и, забрав тарелку Курта, сразу добавила: – Но у меня одно условие: ты должен сделать так, чтобы они никак не навредили ни мне, ни Клер. Ты их принес сюда – ты и разбирайся.

– Когда это деньги кому вредили? – захохотал Курт, но быстро угомонился: – Применение я им найду, можешь не переживать. И даже знаю какое: использую-ка их по назначению. Загляну вот на днях в Грим, кое-что прикуплю. Тебе и дочурке каких-нибудь платьев и юбочек подыщу, обувь опять же поменять надо – весна не за горами. Да и вообще посмотрю, что там новенького появилось. Правильно говорю? – не дав жене и рта открыть, решил: – Ну вот, так и поступим, значит.

Джин прельстилась такими речами, в глазах расцвела радость, щеки зарозовели.

– Ты такой заботливый у меня, Курт, – со всей нежностью обратилась она к мужу, на миг задумалась, улыбнулась чему-то своему и прибавила с сердцем, жалостливо: – Ты прости меня, если в чем-то бываю резка с тобой. Просто я переживаю за всех нас. И зачастую боюсь каких-либо перемен...

Курт взял ее за руку чуть выше запястья, проговорил чувственно:

– Ну что ты оправдываешься? – голос – одновременно и теплый, и серьезный. – Я же все прекрасно вижу, любимая. Вам с Клер не стоит ничего бояться – я всегда буду рядом с вами, что бы ни случилось. Мы же семья? Да?

Жена легонько коснулась его пальцев, погладила и ответила:

– Конечно, – и повторила тепло: – Конечно, семья.

Муж удовлетворенно кивнул.

– Вот и замечательно! – потом сощурил один глаз и по-хитрому позвал: – Иди ко мне.

Та проворно вскочила с табуретки, подошла. Курт заботливо обнял ее, слегка наклонил и поцеловал. От такой внезапности Джин замурлыкала, словно кошка, разомлела.

– У меня к тебе есть интересное предложение, – начал издали Курт, не выпуская любимую женщину из тесных объятий.

– Какое же? – ластясь к нему, спросила Джин. – Что ты придумал?

– Может, потанцуем? Как в старые добрые времена, помнишь?

Джин, ничего не говоря, прижала Курта к себе, ностальгически вздохнула, перевела лучистый взгляд в окно, долго так смотрела в него, любуясь небом, вспоминала радостные, давно ушедшие мгновения.

– Помню, Курт... – протянула она, спустя некоторое время. Эти слова получились умиротворенными, цветущими. – Ты всегда красиво танцевал. Сколько раз ты мне, дурочке молодой, так голову кружил.

Курт захихикал.

– Готов и еще раз! – с охотой вызвался супруг. – Что скажете, миссис Флетчер?

– Я только «за», мистер Флетчер, – в тон ему ответила Джин.

Курт немедленно встал, прошел к невысокой тумбочке. На ней стоял магнитофон с несколькими потертыми поцарапанными упаковками от компакт-дисков, правее – две старые цветные фотографии в полустертой позолоченной рамке: одна свадебная, вторая – с задания. Возле них – обувная коробка с боевыми наградами, жетоном с личным номером, трофейной флягой, черным беретом.

Сглотнув – взял второе изображение, опечалился – на снимке изображалось семеро улыбающихся солдат в полном армейском снаряжении со штурмовыми винтовками наперевес. На заднем фоне виднелись тяжелые лопасти боевого вертолета. А ниже – длинная запись:

«Страна вправе гордиться вами! Вы лучшие!

Югославия, Косово, 15.04.1999 г.»

– «Черные Псы». Операция «Падение Звезды»... – поникшим голосом озвучил он, не отрывая глаз от фотографии, – как же мне не хватает вас, парни...

Незаметно подошла Джин. Приобняв мужа со спины – взглянула на изображение и спросила, подбирая нужные слова, дабы ничем не затронуть его чувства:

– Решил поведать старых друзей? – И поцеловала в шею.

Курт промолчал, засопел носом, горько вздохнул, поставил рамку обратно и повернулся к жене. Глаза повлажнели, потускнели, стали совсем невеселыми, металлическими.

– Да вот... решил взглянуть, – запоздало, как-то смущенно ответил он, вместе с супругой опять посмотрел на пожелтевший по углам снимок – воины на нем, застыв, словно ледяные изваяния, по-прежнему улыбались кому-то широко и приветливо. Потом Курт кивнул на человека с лицом, перепачканным сажей, стоящего рядом с последним, таким же, как и он, солдатом, и добавил с горечью в голосе: – Узнаешь своего мужа?

Джин смолчала – уже не раз отвечала на этот вопрос, но сейчас ей почему-то не хотелось что-либо говорить.

А супруг продолжил:

– Это первая и последняя фотография, где мы все вместе... – и, незаметно стерев скупую слезу, упавшую на волосатую скулу, произнес: – Пойду включу генератор.

Поцеловав жену – быстренько оделся и выскочил из дома.

Из детской вышла Клер.

– Папа уже ушел?... – грустным голосом спросила она, расчесывая пальчиками соломенные волосы прокопченной кукле. Дочь смотрела на мать совсем не по-детски, осмысленно, ясные глазки горели.

– Нет, доченька, он сейчас включит генератор и вернется! – успокоила Джин.

– А правда, что он больше не будет так шуметь?

– Нет, зайка, папа его починил. Он теперь тихий-тихий.

Дочка обрадовалась, повеселела, нырнула в комнатку, как маленький зверек.

С улицы донесся негромкий гул – заработал генератор. Потом вернулся Курт. Обрадованный и повеселевший за время отлучки, он тотчас метнулся к прибитой к стене розетке, сунул вилку от магнитофона, вставил диск и заявил жене:

– Бензина подлил, можно включать – минут тридцать у нас есть.

Воодушевленная приподнятым настроением мужа, жена включила магнитофон, спящий до сего момента крепким сном. Полились неторопливые гитарные переборы.

– Прошу вас, мэ, – Курт протянул руку, приглашая на танец.

Когда Джин взяла ее, из иссаленных динамиков зазвучали звонкие слова, пробирающие с первых строк до мурашек:

Every time that I look in the mirror

All these lines on my face getting clearer

*The past is gone
It went by like dusk to dawn
Isn't that the way
Everybody's got their dues in life to pay²*

Узнав их, Джин сильнее прикинула к широкой груди Курта и затихла, вновь окунаясь с головой в давно пережитое время.

– Так и думала, что ты ее включишь, – с голосом, дрожащим от возбуждения, вызванного любимой песней, произнесла она, – я так давно ее не слышала...

– Знаю, – коротко ответил Курт, погруженный в танец.

Музыка все текла и текла, точно весенняя речка, пронизывала пару, наполняла истосковавшиеся сердца радостью, приятным волнением.

*Yeah, I know nobody knows
Where it comes and where it goes
I know it's everybody's sin
You got to lose to know how to win*

– Помню, когда я впервые увидела тебя, в вашей палате во время отбоя играла эта песня, – нарушила молчание Джин, направила осветленный взгляд на Курта. В глазах мужа блистали искорки, застыла улыбка. – Я хотела вам сделать выговор, чтобы не шумели, но потом увидела тебя и... передумала. Ты так смотрел на меня. Грудь перебинтована, сам бледный, а взгляд... смеющийся такой, веселый, какой-то живой, настоящий...

*Half my life's in books' written pages
Live and learn from fools and from sages
You know it's true
All the things come back to you*

– Не в лучшей я тогда форме был, – Курт засмеялся, – а ты такая хорошенькая, в белом халатике, на шее – стетоскоп, ножки стройные, глазки еще совсем наивные.

– Я еще тогда в медсестрах ходила, – добавила Джин, тоже засмеялась, – знаешь, как я вначале испугалась? Вас в одной палате десять человек! Десять взрослых мужчин!

– Четверо, как сейчас помню, не из нашего отряда были, они с нами две недели провалялись, на перевязки ходили, а потом пришел приказ и их домой в Штаты отправили – комиссовали, – напомнил Курт, – а мы больничные койки долго еще мяли, конечно...

Замолчали. Оба кружились, задумавшись об одном и том же моменте общей жизни, но о разных событиях, навеянных музыкой, какую любили так же горячо, как и друг друга.

*Sing with me, sing for the years
Sing for the laughter and sing for the tears
Sing with me, if it's just for today
Maybe tomorrow the good Lord will take you away*

Тут сладкую тишь нарушил стеснительный голосок Клер:

– Мам, пап, а можно к вам? – и прислонилась щечкой к дверному проему, с интересом наблюдая за танцующими родителями.

---

² Aerosmith – Dream On.

– Конечно, маленькая, иди скорее сюда! – позвала Джин. Клер подбежала к матери, взяла ее и отца за руки. – Потанцуй с нами. Наша с твоим папой любимая песня играет.

*Dream on, dream on, dream on,
Dream yourself a dream come true
Dream on, dream on, dream on,
And dream until your dream comes true*

Последний куплет семья протанцевала, держа друг друга за руки, слушая, как струятся горячие слова, поет гитара, закрадываясь в душу к каждому и разбегаясь по всему дому, а вместе с ней – как постукивают барабаны, понуждая сердца биться все сильнее и сильнее...

Но вскоре песня закончилась, запела другая, а оставленные ей эмоции долго еще не улечивались, звенели где-то глубоко внутри у всех.

– Благодарю за танец, мэм! – по-офицерски поблагодарил Курт супругу и, галантно поцеловав ручку, чмокнул в щечку Клер, выключил магнитофон. На кухню резко вдвинулась усталая тишина, тоскливость, скука. – Это было восхитительно!

Дочка тут же подлетела к отцу и попросила:

– Папуль, а покатай меня! Пожалуйста! – и запрыгала на месте игривым щенком. – Папуль? А, папуль? Покатаешь, да?..

Глядя на нее, Джин умилительно качнула головой, подумала:

«Непоседа. Совсем замучает Курта!»

Курт охотно согласился.

Сноровисто посадив дочку на плечи – разок-другой покрутился на месте и, растопырив руки, под детский безудержный восторг громко прогудел:

– Я – истребитель! Запрашиваю разрешение на посадку! – и умчался в комнату дочери. – Как слышите!

– Внимание всем пилотам: через час будем кушать! – сквозь смех подыграла Джин, провожая мужа и дочь улыбочивым взглядом. – Просьба не задерживаться, а то все остынет!

– Хорошо, мам! – в унисон ответили Курт и Клер и с головой погрузились в забавы, мгновенно позабыв обо всем.

Понедельник, 19 февраля 2014 года

До огромного болота, сплошь затопившего спортивную площадку вязкой бурлящей массой, не густеющей даже в ярые морозы, добрался меньше чем за два часа. За всю дорогу лишь пару раз встретились вепри, ковыряющиеся в промерзлой земле, и разок пришлось отсидеться под козырьком обвалившегося подъезда, укрываясь от парящей низко над домами группы обуреваемых голодом костоглотов, явно увлеченных поисками добычи. Но даже все это меркло по сравнению с той задачей, какая ждала меня дальше, – пересечь топь. С каждым годом она прибавляла в размерах, захватывала все больше и больше нетронутой земли, томительно переваривала любое, что попадало в ее ненасытную тошнотворную пасть. Если однажды я мог со спокойной душой обогнуть трясину с левого края, затратив всего-навсего пятнадцать минут, то сейчас, осматривая нечеткие, размазанные границы, наполовину расплывающиеся в мглистых испарениях, – сложно и приблизительно подсчитать требуемое время на переправу.

На самом же болоте ежесекундно рождались и лопались гигантские желто-зеленые пузыри, плюясь мерзкой жижей, схожей с гноем, пачкающей разъеденные деревья и металлические конструкции площадки, постоянно что-то бурлило, кипело, переваривалось. В измазанный, словно мазутом, подтаявший снег поочередно летели дымящиеся обваренные ошметки злотворной грязи, звонко шлепалась на расколотый зеленый лед и пепел мокрая черная глина. Еще сравнительно недавно стоящие детские горки и городки, чуть тронутые снежком, теперь плотно увязли во всепожирающей пучине, завалились круто вбок. Не смогли устоять ни баскетбольные щиты, ни уличные столбы, высившиеся в стороне, сиротливо склонив плафоны, увешанные бурой бородатой тиной, – все они медленно пожирались жижей, послушно гнулись к ней, понемногу укорачивались. А на это неприятное зрелище, свысока, точно насмехаясь, глядел медный солнечный блин, зависший на кровавом небе без единого облака. Его неяркие лучи распаривали попахивающее болотище, высвобождали пряный запах прелости, а шаловливый ветер тотчас разносил по сторонам, дерзко бросал в лицо.

Бульк... бульк...

– По правой стороне не обойти – можно даже не пытаться... – удрученно промолвил я, поворачивая голову и увидев все то же пузырящееся месиво, дожирающее крышу машины, – ...просто утону – и все, – переместил ястребиный взгляд левее – там гнилье добралось уже до бетонных ворот детского сада, – и тут не пройти!.. Вот же засада, а!.. Куда же податься-то? Как пробираться?..

Терзаемый этими вопросами, переминаясь с ноги на ногу – наступил на торчащую из-под земли кем-то пожеванную покрывку и, кривясь от тяжелого болотного духа, еще раз окинул взволнованными глазами кошмарный омут – полная безнадега. Последнее, что оставалось, – карабкаться по незатонувшим сооружениям детской площадки, пытаюсь не соскользнуть в ядовитую муть. Но и здесь не все так гладко, как могло бы показаться на первый взгляд – пузыри, лопающиеся то там то тут, словно шарик, в значительной степени все усложняли.

– Никаких альтернатив тут больше не вижу, – проговорил я и, сделав решительный шаг вперед, прибавил так, как будто меня кто-то силком тащил на это чертово болото: – Или так, или вообще никак. Эх...

Размял подмерзшие ладони, точно готовясь к затяжному прыжку, плечи и зашагал к тому месту, откуда рассчитывал взять старт, – невысокой железной скамейке, густо облепленной какими-то корнями.

Бульк...

Миновав толстое прожженное до дыр дерево, под которым уже плескалась затхлая вода, – с разбега запрыгнул на лавочку и чуть не бултыхнулся в кипящую кипень – та очень нехорошо скрипнула, прогнулась назад и начала погружаться в вар.

«Не везет так не везет!» – мелькнула в уме единственная мысль.

Не дожидаясь, когда лавка совсем затонет вместе со мной, я в лихорадке заметался, заприметил помойку и, зачем-то вздохнув, перекинулся на нее, а оттуда – сразу на качели. В этот момент болото, как бы почувствовав присутствие чего-то живого, теплого, надуло, словно щеки, несколько внушительных пузырей и одновременно взорвало, желая спихнуть к себе вниз. Пригнувшись от дурно пахнущих комьев глины, насколько это получилось, – мигом перелетел на погнутую обросшую горку, потом на городок, пробежался по короткому деревянному мостику с переломанными дощечками, уклоняясь от летящих кусищ грязи, и соскочил на крышу детского автомобиля, под которым обильно курился какой-то бледный пар.

«Хоть один раз не туда сверну – ходов уже не останется...» – холодно подумал и, туго подтянув ремень винтовки, добавил тихо:

– А подыхать вот так не очень-то и хотелось бы.

Перемещаясь от одной детской постройки к другой – продолжил свое путешествие через смердящую дремучую болотину. Наконец, когда взобрался вверх по перепачканному баскетбольному щиту, подпирающему дырявый сетчатый забор, и скатился по нему, с ходу влетев в песочницу, заваленную горой мокрого снега, ненасытная трясина все же оставила в покое, продолжила гневно кипеть вслед, наверно по-своему проклиная. Теперь передо мной открывались целых два безопасных маршрута: первый – через территорию детского садика, второй – по неширокой заасфальтированной дороге, тянущейся вдоль. Ни тот ни другой, в принципе, не давал никакого особого преимущества во времени, но в первом случае идти было привычнее и даже удобнее, потому что сад сразу выводил к заброшенной младшей школе, а оттуда до супермаркета – вообще рукой подать.

– Ну-с, так и поступим, что ли? – обратился к себе с вопросом. – Ты как, Курт, не возражаешь?

И, выбравшись из песочницы, – побрел к бетонному забору, чавкая по еще пока что не зыбкой грязи, лениво омывающей его. В том, что болото вскоре засосет всецело весь детский сад, – сомнений не оставалось, однако произойдет это уж точно не сегодня, не завтра, и не через пару месяцев – слишком большая область для захвата. А там предвещается бурная дождливая весна, знойное лето, и топь непременно подсохнет, обмелеет, потеряет в размерах. Тогда ходить через нее станет гораздо проще и менее накладно, нежели сейчас.

Перемахнув через склизкий забор, я с треском рухнул в кустарник, разросшийся сразу внизу, наряженный, словно елочными игрушками, обомшелыми грязевыми наростами, и принялся выкарабкиваться. Погода держалась хорошей, не морозной. Светило солнце. Бойко шумел ветерок. Над двумя идущими друг за другом двухэтажными корпусами, выложенными голубовато-серой плиткой с большими зарешеченными окнами, скрипели, будто костями, огромные бесформенные деревья. На сгнившие перила и ступени пожарных лестниц в два-три витка сизой катанкой намотался «полоз» – растение-паразит, сумевшее без труда приспособиться к нынешнему своенравному климату. На подъездах разрослись жухлые лохматые травы. Декоративные колонны поделили поровну между собой шерстистый мох и плесень. В другой стороне, у давным-давно обвалившихся веранд, расписанных выцветшими героями мультфильмов, и вовсе выросла целая непроходимая трущоба из щупленьких, но страшно колючих и шипастых кустов. Едва заметную сквозь пепел вперемешку со снегом тропинку, выложенную камнем, – и ту уже заняла жирная шевелящаяся бледная лоза, имеющая очень интересную особенность: кочевать с места на место. А за всеми этими дикими зарослями гремел звонкий собачий лай, сливался с воем ветра.

Гав!.. Гав! Р-р-р...

– Вот на них-то сейчас нарваться хочется меньше всего, – прислушавшись, невесело пробубнил я, топча ботинками лозу, какая на ощупь чувствовалась тверже всякого кирпича. – Если заметят – будут преследовать, пока не загрызут. По-другому они и не умеют. Иначе все бы давно передохли.

Ставив с плеча винтовку – осмотрительным шагом пошел в сторону корпусов.

Между ними, утопая среди вялого разнотравья, приобретенного благодаря солнцу рыжеватый оттенок, словно нить, тянулась совсем узкая дорога, пронизывающая насквозь весь детский сад вплоть до запасных ворот. Чтобы до них дойти, надо просто идти все время прямо и ни в коем случае с нее не сходить. Но отклонись чуть влево – и запросто заблудишься в местных кущах, где вполне вероятно можно натолкнуться на мясодера, очень любящего обустроить логово в подобной глуши.

Так, отмахиваясь прикладом от дотошных стеблей, настойчиво лезущих в лицо, шаг за шагом, под хруст снега, проделал половину пути, между делом пытливо разглядывая знакомые здания, куда когда-то захаживал. Ничего, как мне казалось, в них не изменилось, разве что кое-где под тяжестью льда отвалился водосток, да слетела с крепежей парочка-другая труб. Окна целы, только сверху донизу промерзли, помутнели, утратили всякую прозрачность, затянулись морозными узорами.

– Даже не верится, что никто, кроме меня, туда так и не заходил... там же столько всего интересного можно отыскать! – с каким-то восторгом восклицал я, припоминая все те вещи, что достал для дочери именно здесь. – Что, ни у кого детей нет, что ли? Одежда не нужна? Или попросту не знают об этом тихом местечке...

Тут мыс ботинка уперся во что-то сплошное, неподвижное, скрывающееся в высокой траве, за снегом, я запнулся, едва не споткнувшись, поспешно бросил рассеянный взгляд под ноги – передо мной ничком лежало замерзшее скрюченное тело в поношенных зимних вещах. Перевернув на спину – ужаснулся: на месте правого глаза зияла почерневшая от крови дыра, грудь и шея – искушены зверьми.

– Кто ж тебя так, а?... – и, бегло оглядевшись по сторонам, рассудил: – Недавно, судя по всему, – два-три дня максимум... – Задумался – тот, кто стрелял, точно знал в кого и зачем... опустил глаза: карманы не вывернуты, следов разбоя нет. – И явно не ради наживы.

Вытянулся, осмотрелся: ничего подозрительного, все на удивление спокойно.

– Не стоит тут задерживаться... – решил я.

И только собрался идти дальше – в крайнем левом заволоченном инеем окне второго этажа последнего корпуса заметил яркий отблеск света. Он длился всего секунду, миг, но этого хватило, чтобы успеть отскочить в сторону. Сразу за ним – одиночный выстрел, перекрывший собой дальний ор бродячих псов, стекло разлетелось вдребезги, посыпалось вниз, и в то место, где я только что находился, сбив несколько травинок, ударила горячая пуля снайпера. Взлетевшая залежавшаяся снежная пыль долго кружилась в холодном воздухе, а потом натолкнулась на резкий ветер и понеслась куда-то следом, словно покоряясь неукротимой силе.

– Метко бьет, сволочь!.. – усмехнулся я, залег с винтовкой в траве, силясь разглядеть через прицел стрелка-невидимку. Но он исчез бесследно как тень – наверняка тоже искал меня, дабы уж точно добить без промаха. – Ждал меня, скотина... мог же прикончить еще раньше, но просчитался...

Собаки через некоторое время затихли, ветер поменял направление, гладил траву против шерсти. На небе началось беспорядочное движение кровавых лохматых облаков. Таинственный снайпер по-прежнему сидел в засаде и никак себя не выдавал, а его прицел, однажды сыгравший с ним злую шутку, больше не мерцал.

«Я знаю, что ты рядом... – с уверенностью думал я, – живым со своей территории теперь точно не выпустишь...»

И тут осмелился на безрассудство – вступить с потенциальным убийцей в контакт.

– Эй!! – зычно крикнул я. – Предлагаю поговорить!!

А сам – ползком назад, не отрывая глаз от злобных окон, где затаилась смерть. Ответа, конечно же, никакого не получил, но радовало одно – не последовало и выстрела.

– Я тебе не враг!.. – пытался убедить я. – Слышишь? Эй?.. Я просто мимо шел!..

Тишина.

И когда уже стал думать, что, наверно, зря все это затеял, из самого первого призрачного окна донесся загашенный, какой-то утробный голос, совсем не напоминающий человеческий:

– Все вы просто мимо проходите, – в нем звучали нотки укора, – людьми порядочными прикидываетесь... погреться у костра просите... – и словно озверел: – А потом нож к глотке подставляете!.. Последнее уносите, твари! Бога в вас нет! Собаки!

«Бредит, что ль?» – мелькнула мысль, а потом бросил:

– Кто ж тебя так обидел-то, что ты в первого попавшегося человека палить начинаешь да тварью и собакой оскорбляешь?

Снайпер долго молчал, будто бы и сам не до конца понимал этого, не мог объяснить.

Наконец ответил так:

– Был тут один... – начал он, заметно потеплев в голосе, – за хорошего человека принял ведь, доверился, даже разговорились, а как отвлекся – он – раз! – и за ножичек! «Давай-ка, говорит, свой мешок сюда и ружье, пока еще дышать можешь». Ограбить вздумал!

Слушая его, я невольно скосился на групп и подумал:

«Вот и нашел свой конец, видимо... – и добавил: – Только не самый лучший...»

Будто бы догадываясь, куда сейчас смотрю, снайпер продолжил:

– Он как раз там, где-то рядом с тобой лежит, догнивает! Я ему хорошенько мозги проветрил! Только не смотри, что такой – это над ним так позапрошлой ночью два молодых потрошителя порезвились... зубки у них еще маленькие, нетвердые, кусают неуверенно, пугливые очень... – говорил уверенно, увлеченно, даже с долей наслаждения, словно отмстил не простому грабителю, а кровному врагу, – ну ничего-ничего... уроком послужит!

– Так ты охотник, что ли? – сразу догадался я и, с намерением поддержать холодный разговор, прибавил льстиво: – Четко ты ему... в глаз-то, будто шкурку не подпортить хотел...

Послышался неприятный, нездоровый смех – стрелка такие слова растрогали.

– Ну, еще бы! Охотой живу же не один год! – и, вспомнив о том, как я точно угадал его призвание, посмеиваясь, заявил: – Хе-хе! А ты молодец – сразу определил, чем на кусок хлеба себе зарабатываю.

Я усмехнулся.

– А тут вариантов-то немного: либо собиратель, либо охотник, – знающе поддержал я, – за сбором бутылок тебя не застал, выходит, охотник...

Тот опять засмеялся.

– А ты у нас, значит, ни «Бес», ни «Мусорщик»? – продолжил расспрашивать снайпер, приписывая то к одной фракции, то к другой. Голос гремел так басовито, что окна в разошедшихся рамах отчетливо звенели, словно столовый хрусталь. – Ни пес на поводке у Дако? Ни «Одиночка»?

– А похож разве?

– Ну, как тебе сказать... – неуверенно проскрипел в ответ тот, – ...и похож вроде, а вроде бы и нет...

Сказал это, и я еще сильнее почувствовал, как он смотрит через перекрестие прицела, старательно выискивая среди зарослей. Стало не на шутку чудиться, что охотник просто заговаривает зубы, отвлекает, чтобы усыпить бдительность, а потом довершить свое черное дело одним нажатием на курок. Но чутье все-таки обмануло – снайпер, все это время о чем-то размышляя, обратился неожиданно тепло и даже как-то обрадованно, приветливо:

– Ладно, – резюмировал стрелок, и я прямо всем своим телом ощутил, как в меня прекратили целиться, – считай, что это была проверка на вшивость. Ты ее прошел – поздравляю. Теперь поднимайся ко мне – угощу чаем, погреешься, поговорим о том, о другом, о третьем.

Облегченно вздохнув – встал на ноги.

– Вот уж не ждал, – честно признался я, – спасибо за приглашение.

– Проходи-проходи, – поторопил снайпер, – на второй этаж поднимайся – я тебя встречу. Дверь тут, внизу, еще с тех времен осталась, через нее проходи.

Помявшись два-три мгновения на месте, все еще не веря в то, что произошло, я засопел, смахнул с плеч снег и поспешил к двери. Та гляделась и вправду хиленькой, ненадежной, дерево и фанерная обивка уже давно сгнили, по сей день держались только оледенелые петли и дверная скоба, но и их век уже подходил к исходу.

Со скрипом отворив – прошел, по привычке сбросил с головы заснеженный капюшон.

Здесь – темно, промозгло, в воздухе летали смешанные запахи из сырости, грязи и чего-то жареного, на редкость аппетитного. Принюхавшись, сразу узнал, что же такое готовилось – собачатина.

«Гурман, – подумал я, – самую заразу ест. Хорошо, что хоть не крыс».

И, поднявшись по бетонной лестнице, заволоченной хрупким льдом, на второй этаж, столкнулся с тем самым безликим охотником. Передо мной, разборчиво виднеясь в полумраке, тускло освещаемом костром, возвышался коренастый мужчина в заштопанном темном зимнем пальто с высоким воротником, держа в огромных руках ружье с оптическим прицелом. Лицо – тучное, заросшее, на заостренном подбородке дыбилась неуклюжая борода, приплюснутый нос дышал устало, тяжело, выпуская сероватый пар, короткие волосы небрежно торчали во все стороны, сощуренные глаза глядели на меня по-звериному, недоверчиво, словно проедали насквозь. Косые неровные тени, плавающие по стенам, выкрашенным в болотный цвет, всякий раз дотрагивались до щек, придавая ему особенно жуткий, мрачноватый вид.

– А сверху ты мне повыше казался, – наконец промолвил снайпер, вдоволь рассмотрев с ног до головы, – ну да ладно. Прошу, как говорится, к столу.

– Да и тебя я себе несколько иначе представлял, – ответил я, усмехнувшись.

Тот промолчал. Проследовал за ним.

Через короткое мгновение оказался в просторной игровой комнате, где еще сохранились красочные рисунки на облупленных стенах и кое-какая мебель. Посередине, чуть в стороне от окна и дверного прохода, трещал буйный огонь, жадно облизывал ножки от маленьких кроваток, столов, стульчиков. Из него время от времени выскакивали курящиеся щепы и головешки, а искры, точно золотая пыльца, не успевали даже коснуться пола, как уже остывали, таяли, меркли. На двух больших рогатинах, умело срубленных из толстых ветвей, шипя и пенясь, жарилась на толстом строительном штыре освежеванная собака, бесперебойно проливая мутный жир на раскаленные докрасна угли. Дым от нее расползлся по прокопченному потолку, закрадываясь в самые темные углы, выползал в коридор. В самом же помещении было уютно, спокойно и безопасно.

– Ну, прямо как великаны в гостях у лилипутов, – пошутил я, проходя к костру, а потом обратился к хозяину: – Неплохо устроился, как погляжу. Странно только, что не видел тебя тут раньше никогда.

Снайпер на такое заявление только загадочно улыбнулся, не проронив ни слова, выдернул из пола ржавую железку, закинул с ее помощью обратно в пламя выскочившие угольки, повернул собаку другим боком и, усевшись со скрипом на крохотный детский стульчик, ответил деловито:

– Обживаюсь потихонечку, – и, указав вымазанным дулом ружья на точь-в-точь такой же, велел: – Присаживайся, чего стоишь-то? В ногах правды нет.

Я подвинул к себе стул, сбросил с плеч рюкзак, положил рядом винтовку, снял очки и протянул замерзшие руки к костру, ощущая ласковое, какое-то домашнее тепло.

Заметив это, стрелок по-стариковски ухмыльнулся, подкинул пару дощечек.

– Сейчас согреешься, – заверил он, – покушаем хорошо – и согреешься. А там и чайком подбавим.

– Давно ты тут поселился-то? – не заострив внимания на его словах, невзначай полюбопытствовал я и перевел изучающий взгляд левее: рядом с огнем лежали спальник, большой добротный рюкзак, несколько пивных бутылок, окурки, мятые сигаретные пачки. А про себя подумал: «Может, сигаретку у него попросить?»

– С декабря уж как, – охотно ответил бородатый охотник, – раньше я неподалеку от Ридаса обитал, но там сейчас беспокойно стало... – с волнением вздохнул, привстал, вынул из синих джинсов перочинный нож, сделал надрез на собачьем бедре – хлынул жир и моментом запекся на мясе – жар был силен. Потом, отвлекшись на секунду от своего начатого повествования, облизнув обветренные, шелушившиеся губы, заранее смакуя предстоящий обед, произнес: – Скоро уже кушать будем – мясо почти прожарилось.

– Как раз попробую собаку... – с сомнением в голосе отозвался я, – ...с фасолью вприкуску.

– Никогда не ел разве? – удивился снайпер, выпучил черные глаза.

– Да как-то не доводилось... Я больше по волкам, знаешь ли. У них мясо пожестче, но зато привычное, и хотя бы остаешься уверенным, что не отравишься.

– Зря-я-я... – кинув на меня неодобрительный взгляд, протянул тот и объяснил почему: – Мясо у них ничуть не хуже, а если на костре приготовить правильно – вкус бесподобный. Можешь мне поверить на слово. Знаешь, на что похоже?

– Ну? – без особого интереса спросил я.

– На свинину... Отдаленно даже чем-то курицу напоминает, если вспомнить, конечно, что это за птица такая. Не все ее нынче помнят уже... – толково разъяснил собеседник и, увидев, что я даже приблизительно не могу это все представить, сокрушенно махнул рукой и сказал запальчиво: – Ай... попробуешь, в общем! Чего я тут тебе доказываю сию...

– Ну, так и быть, поверю уж! На отравителя вроде не смахиваешь... – смирившись в конечном итоге с неминуемой участью, согласился я и тут задал вполне уместный вопрос: – А ты к консервам как относишься? Без брезгливости, надеюсь?

– Честно? – прямо поглядев в глаза, произнес стрелок. – Уже как два года в глаза не видел. Во сне если только.

– У-у-у... – протянул я и добродушно засмеялся, – многое упустил ты. А ну-ка, лови! Угощайся!

И, вытянув из рюкзака тяжеленькую баночку с консервированной фасолью в собственном соку, бросил ему. Тот одной рукой проворно поймал ее, подвел к одному глазу, покрутил, одобрительно хмыкнул и, отложив ружье, нетерпеливо вскрыл ножом. Потом макнул грязный палец, облизнул.

– Вот за это спасибо... – от сердца поблагодарил охотник, – уж думал, что совсем вкус забуду, а тут вот... – поставил банку на пол, прошел к рюкзаку, – ...ты их... Где раздобыл-то? Не подскажешь местечко?

– Да... – невнятно ответил я, не особо желая раскрывать перед едва знакомым человеком все карты. И солгал: – В холодильнике одного заброшенного дома стояли, я и прихватил... вот...

– А. Это дело. Это дело... – дважды повторил снайпер, видимо почувствовав, что лукавлю. – Значит, собиратель?

– Ну как... Скорее и то и то, – неопределенно ответил я, – не могу себя четко к кому-то приписать. Когда есть возможность – охочусь, мимо домов каких-нибудь пройду – загляну, может чего и отыщу там. Как-то так, в общем.

– Ясно-ясно, – заулыбался снайпер, вытащил из рюкзака две походные тарелки, вилки, стал ломтиками срезать мясо со штыря, обоим накладывая одинаковые порции. Передав мне тарелку – вернулся на место, первым кусая зарумянившуюся собачатину черными обломками зубов. – Приятного аппетита, путник.

– И тебе, – ответил я, приступая к обеду.

За ним и разговорились. Я решил вернуть своего собеседника к прошлой теме, опасаясь, что тот о ней забудет и больше не вспомнит.

– Так ты говоришь, что в Ридасе сейчас неспокойно? – напомнил я, старательно пережевывая мясо собаки, оказавшееся вопреки сомнениям гораздо вкуснее волчатины.

– Ах, да... точно... – вспомнил охотник, вытер рукавом пальто жир с бороды и продолжил: – Как ты, думаю, знаешь, его еще как пять лет назад захватили «Мусорщики». Хлопот они, конечно, пока не доставляли, но сильно мешали нашему поселению собирателей, расположенному вблизи Ридаса. Сначала они запретили нам входить в город, а потом и вовсе потребовали убраться с их земли ко всем чертям, угрожая жестокой расправой за неповиновение. Конечно же, многие, включая меня, моего брата и сестру, на это не пошли, а решили своими силами выбить бандитов из захваченного города, какой, по сути, и кормил нас всех своими оставшимися запасами. Без него мы бы все давно померли: на ядовитых пустошах ничего не растет, за сутки можно настрелять одну случайную дворнягу, а дома мелкие давно обчищены, как бабушкины сундуки. Как жить-то?.. Вот-вот...

На этом собеседник замолчал, даже отложил недоеденный обед. В глазах затаилась темная скорбь, веки чуть приметно дергались, а на лбу проступили капельки пота, похожие при свете пламени на прозрачные жемчужины.

– И что потом?.. – осмелился я прервать тишину.

Тот минуту помолчал, затем взъерошил грязные волосы и все-таки закончил:

– Да ни черта не вышло из этого. Всех, кого они увидели тогда на своей территории, зверски убили. Забили как животных прутьями и ржавыми трубами. Там же погибла и моя сестра... – и, сжав кулак, добавил: – А брата с собой утащили. Его и еще пятерых людей. Одному богу теперь известно, что с ними... – стиснул зубы до скрипа, закрыл огромной ладонью лицо, часто-часто задышал, – и знаешь, что самое страшное?.. Что я все это видел своими собственными глазами, прячась под лестницей, и ничем не мог помочь! А брат звал меня!.. Умолял меня помочь, а я...

– Мне очень жаль... – как смог утешил я, пропустив через сердце короткую, но жуткую историю, – ... что ты тут мог поделать? Сомневаюсь, что «Мусорщики» пожалели бы тебя, как его...

Замолчали.

Костер тихо потрескивал, по-змеиному шипел, все ловчась дотянуться до подвешенной собаки своими огненно-рыжими языками. Снаружи – тихо, не слышно ни потрошителей, ни костоготов, лишь где-то позади, в коридоре или на лестнице, временами раздавались леденящие душу шорохи – это развлекались с мусором сквозняки, сумевшие просочиться сквозь щели в толстых стенах. Порой они могли повторяться подряд несколько минут, делаясь более настойчивыми и отчетливыми, и тогда создавалось впечатление, что так делает уже совсем не ветер, а тот, кто таким способом хочет выманить нас из укрытия.

– Наверно, ты прав, – после недолгой тишины ответил охотник и, будто бы соглашаясь с самим собой, произнес: – «Мусорщики» бы вряд ли пощадили... вряд ли...

– Вот-вот, – больше не найдя, чего еще добавить, проговорил я, погруженный в какие-то свои раздумья. Заметив, как я несколько сник и не очень-то расположен к общению, собесед-

ник почти бесшумно усмехнулся, сдержанно вздохнул и опять вернулся к обеду, успевшему слегка остыть.

Но вскоре снова предпринял попытку разговаривать:

– Слушай, а мы ведь с тобой даже и не познакомились... – с каким-то виноватым оттенком в голосе проговорил охотник и сразу взял инициативу в свои руки, представившись первым: – Дин Тейлор, рад знакомству! – И протянул крепкую волосатую ручищу, больше похожую на лапу гориллы.

Я с неожиданной для него готовностью пожал ее, тоже представился:

– А я – Курт Флетчер! Очень приятно, – и, улыбнувшись, вставил: – А то как-то сидим тут, кушаем, разговоры разговариваем, а знать-то друг друга и не знаем.

Дин на это согласно моргнул, растянулся в улыбке, чувствуя, что теперь общение между нами значительно улучшится, будет не таким пресным, как прежде. И, не теряя настроения, отныне, наверно, сочтя вполне уместным спросить меня об истинной цели пришествия в детский садик, неловко, даже смущенно, запинаясь после каждого слова, полюбопытствовал:

– А ты... сюда, стало быть, не случайно... так, да?... – И точно сам пожалел о своей дотошности, поежился на месте, пытаюсь подавить не то зуд, не то холод, не то стеснение. В глазах, казавшихся от полумрака угольно-черными, блеснула настороженность, губы чуть скривились, словно ожидали того, как я сейчас зверем накинусь за этот вопрос.

– Не случайно, – подтвердил я, покончив с обедом. И честно ответил: – Я к супермаркету шел.

Тот промычал, поднял мохнатые брови, выражая удивление.

– Вот как? Хе-хе... – побряхтел Дин, потом поковырялся в зубах, вытаскивая застрявшее мясо, и вновь обратился ко мне: – И не боишься? Там волков – тьма. Иной раз людей видел, стреляли, бывало. Еще гнезд костоглофов немало – птенцы их круглыми сутками верещат, есть просят. Если идти мимо – можно и на родителей нарваться. Растения опять же кое-какие ведут себя не так...

Все, о чем он говорил, было для меня далеко не в новинку и никоим образом не сеяло никаких сомнений. Я прекрасно понимал и осознавал всю величину опасности такого похода, однако поворачивать назад и не собирался: спасую – и семья останется голодной. Но кое-какие подробности в предостережении все-таки заинтересовали – Дин, вытекало следствие, нередко бывал в тех местах, раз столько всего довелось узнать. А если мои предположения верны – неплохо бы в таком случае расспросить обо всем собеседника поподробнее.

– Так ты что, охотился там? – начал я, не без любопытства посмотрев на Дина. Тот незаметно поглядывал то в мою сторону, то на окно за мной, а потом вдруг встал, поднял помятый чайник, что стоял, неприметный, возле рюкзака, проверил воду и, чего-то буркнув под нос, повесил за крючок на штырь у задних лап собаки. Следом юркнул к рюкзаку, приготовил две алюминиевые чашки без ушек и вернулся, пока ничего не говоря.

– Почему же «охотился»? Охочусь, и часто... – наконец ответил он и, вручив кружку, в очередной раз ушел от разговора: – Сейчас чай будем пить. Заварки на двоих хватит с лихвой.

Я на сей раз помолчал, а Дин, скосившись на дверной проем позади, будто услышав кого-то, продолжил загадочно:

– Там всегда кто-нибудь бродит. Ближе особо не подойдешь, приходится окольные пути выискивать, часто выжидать... – взглянул на меня, сощурился кротом. Лицо напряглось, желваки натянулись прутьями. – И к супермаркету не один раз пытался пробраться, но, увидев стаи потрошителей, – уходил. Через основной вход туда не попасть – там место открытое, считай, что ты у каждой твари на виду. Еще дорога рядом проходит, по ней частенько всякий сброд по пятеро, по семеро ходит, все со стрелковым оружием – тоже особо не погуляешь. Если только забор перелазить – он сразу перед супермаркетом – или справа, через черный ход, но... бог его знает, прямо так близко к нему не приближался, потому не знаю, Курт.

«А я как раз и хотел через него пробираться...» – зашевелилась в голове мысль.

Пока разговаривали – вскипел чайник. Кинув каждому в кружку щепотку черного чая, Дин щедро налил кипятка и, подув, первым сделал глоток, почмокал губами.

– Значит, забор, говоришь... – хитро сузив глаза, задумчиво произнес я, попивая мелкими глоточками крутой кипяток, почти не отдающий чайным вкусом. Сказав это – минуту помолчал, потом повернулся к Дину и спросил: – И что он из себя представляет? Проверял?

– Да простой он, бетонный, сверху проволочка колючая натянута – одним словом, ничего особенного, – спокойно поведал Дин, уже допивая остатки чая. Когда кружка совсем опустела – забрал из рюкзака просаленную пачку сигарет, почерневшую до такой степени, что невозможно было прочесть наименование марки, достал две последние, передал одну, дал прикурить. Потом уже продолжил: – Через него, конечно, не лазил, да и не особо-то и хотел, если честно, но то, что лучше этой дорожки к супермаркету не найти, – это факт, как пить дать.

– Даже так... ну, что ж, ладно... – с жадностью затягивая желанную сигарету, чей вкус уже успел слегка позабыться, промолвил я, – спасибо за дельный совет, Дин. Так и поступлю, значит...

И уже хотел попрощаться со своим новым знакомым, поблагодарить за все и с новыми силами отправиться дальше в путь, пока еще засветло, – охотник выступил с таким предложением, какого я никак не мог ожидать:

– Курт, возьми меня с собой? – и, с жалостью в глазах рассмотрев меня, мягким, чуть оробевшим голосом прибавил: – В два ствола-то оно ведь лучше будет. Помогу, чем смогу, опять же, а то торчу тут как крыса на судне: из норки – на охоту, с охоты – в норку. Устал я так жить, осточертело до невозможности...

Ошарашенный этим пылким откровением, я долго еще стоял на месте, размышлял, взвешивал, не отлепляя от него глаз, пока даже не зная, что ответить...

***

Пока Курта не было, в доме произошла настоящая беда – пропала малышка Клер. Увлечшись уборкой сарая, Джин слишком поздно заметила исчезновение дочери и, едва ли не задыхаясь от накатившего ужаса, быстро оделась, схватила один из принесенных мужем пистолетов и отправилась на поиски. К счастью, выйти на след Клер удалось уже через несколько минут – крохотные, хорошо заметные на зеленом снегу отпечатки детских сапожек неуклонно вели к маленькому замерзшему пруду у самой опушки леса. Заметив их, Джин схватилась за сердце, а голова от охватившего волнения закружилась – там, как ей не раз рассказывал Курт, часто можно повстречать волков, а весной, когда сходит лед, – целые полчища костоглофов. Вспомнила это и со всех ног побежала к пруду, ничего вокруг себя не замечая.

«Господи, только бы успеть! – пульсировало в уме. – Ради бога, только бы успеть!»

И, объятая этим вождленным материнским желанием, она вышла к некрутому, густо заснеженному овражку с беспорядочно понатыканными кустами.

Отсюда хорошо просматривались и заросший замерзшими камышами пруд, и вытравленный лес, и древняя лесопилка, исправно работавшая еще до катастрофы. Ее разъеденная прогнившая крыша с трудом проглядывалась за высоченной болезненной травой, слегка поблескивала в скупых февральских лучах, насквозь прокалывающих жирные багряные облака.

Подойдя к самому склону, Джин боязливо огляделась по сторонам, опасаясь, что к ней незаметно может подкрасться какой-нибудь зверь, вытянулась и, приглядевшись к пруду, где ищущим взглядом так и не отыскала дочь, громко, сотрясая царившую кругом немую тишь, крикнула:

– Кл-е-е-е-р!!! Доченька-а-а!! Клер!! – и, отдышавшись, подождав, пока горло передохнет от громкого ора, повторила: – Кл-е-е-ер!! Милая!!! Дочурка!!.. Где же ты??.

Но все, что ответило на пылкий зов, – шквалистый ветер, внезапно ударивший в лицо, словно веля замолчать. Потом он же понесся вниз, в низину, к самому пруду, яростно проскакал над оледенелыми прошлогодними стеблями камышей и рассосался, будто бы его не существовало и вовсе.

– Что же ты молчишь, девочка моя?.. – держась за сердце, готовое вот-вот выскочить наружу, обреченно прошептала Джин. – Почему не отвечаешь?.. Я же до смерти боюсь за тебя...

Хотела попробовать вновь окликнуть Клер, допуская вероятность, что та просто-напросто ослышалась, приняв родной голос матери за проделки своенравного ветра, но все же решила повременить с этим и действовать иначе. Осмотревшись вокруг еще раз, она спрыгнула со склона и почти сразу натолкнулась на продолговатые рваные полосы на снегу, отчасти присыпанные снежком.

«С горки каталась», – почему-то сразу возникла такая мысль.

Благополучно съехав вниз – в самый последний момент не заприметила коварный корень, выглядывающий за снежной кочкой, споткнулась и шмякнулась лицом об оледенелую землю, чуть прикрытую пеплом. А когда поднялась – обнаружила вблизи камышей примятый снег и совсем свежие следы, обрывающиеся у самих зарослей.

– Вот где ты! – обрадовалась Джин и опять стала окликать дочь: – Клер!.. Скажи мне, где ты!..

На удивление, Клер отозвалась быстро, точно только и ждала того момента, когда мать спустится с оврага:

– Мамочка, я здесь, на пруду! Здесь лед крепкий и скользкий – можно кататься! – И тут резко замолчала, притихла, будто испугалась, что мама начнет ругаться.

– Оставайся там, маленькая! – как можно спокойней попросила Джин, всеми силами стараясь скрыть запредельное волнение. Однако трясущийся, неуверенный голос предательски выдавал, слова получались очень фальшивыми, неумелыми. – Никуда не уходи!

Клер больше не ответила, а мать, не медля, нырнула в гущину камыша.

Очувтившись на пруду, покрытом изумрудно-зеленым льдом, – почти сразу заметила дочку. Клер сидела на коленках у правого края, играла с ржавой консервной банкой и что-то себе рассказывала, пока не замечая присутствия матери. Несмотря на то, что ей никто не разрешал уходить гулять дальше дома, оделась она тепло, но совершенно забыла о шапочке, и теперь черноватые волосики буквально поседели от налипшего тлена.

– Ах, вот ты где!.. – не сдерживая радости, чуть ли не крича воскликнула Джин и, чтобы не упасть, осторожно зашаркала к дочери. Увидев мать, Клер подняла блестящие глазки, отражающие, как зеркало, алое небо, и спрятала за спиной свою игрушку, словно заранее знала: мама все отберет. Не заостряя на этом внимания, та продолжила чуть строже: – Зачем же ты сюда пришла? Разве я разрешала тебе уходить гулять без спроса?..

Дочурка в ответ виновато наклонила голову, помотала, подергала ножкой.

– Прости, мам, – негромко извинилась она, по-прежнему не расставаясь с банкой, – мне так хотелось на прудик сходить, а я знала, что ты непустишь...

Оправдания Клер ранили сердце Джин, принудили сжалиться, подобреть. Уже не желая ни порицать ее, ни ругать – мягко попросила:

– Выкинь хотя бы эту грязь, малышка, прошу тебя, не прячь от меня, – и, склонившись над дочуркой, отряхнула голову от золы, – не дай бог, еще порежешься.

– Ну ладно... – согласилась Клер и, вскинув на мать грустные, обиженные глазки, неохотно выкинула жестянку. Та стукнулась об лед, отскочила куда-то в заросли.

Поставив Клер на ножки, Джин поправила ей курточку, смахнула со спины и штанишек снег, пепел и заговорила:

– Перепугала же ты меня, маленькая... Думала, с ума сойду! Возвратилась – а тебя нет! Надо же так было мать довести!..

Клер слушала молча, только застенчиво мяла в маленькой ладошке пальчики и сгребала сапожками шлак. Затем пообещала:

– Я так больше не буду, мам! Честно-честно!

– Ну, смотри мне! – тактичным назидательным тоном предостерегла Джин. – Чтобы такого больше не было, хорошо?

– Хорошо, мамуль!

И прижалась к ногам, раскаиваясь. Мать приобняла ее, сказала:

– Давай-ка возвращаться домой. Скоро папа уже вернется, а нас с тобой нет, будет волноваться, искать...

В этот момент в камышах впереди послышалась какая-то возня, шорох, хруст ломающихся стеблей, потом глухой сдавленный рык, и из них, оскалившись, неторопливо вышел крупного размера высохший потрошитель, слегка подрагивая плешивыми надкусанными ушами и роняя на лед мутные слюни. Шерсть практически вся выпала, оголив потемневшую, усыпанную чудовищными ожогами кожу, по бокам проглядывались желтые ребра, кривые лапы дрожали от холода, сломанный хвост не шевелился, а налитые кровью глаза безотрывно смотрели на людей, будто бы раскрасневшиеся угли. Прodelав несколько нерешительных шагов, попутно обнюхивая пепел, волк остановился и, выпустив длинные клыки, сгорбился, уже нацеливаясь на горло ребенка.

– Спокойно, доченька, я рядом, спокойно... – успокаивающе проговаривала Джин, крепче прижимая дочку, трясущуюся в ужасе. Следом – к волку: – Убирайся туда, откуда пришел! Оставь нас в покое!

Но потрошитель воспринял повышенный тон как угрозу и, ощерившись, грозно завилял почти не двигающимся хвостом, скобля черными когтищами смерзшийся пруд.

– Уходи, волк! Я боюсь тебя! Уходи, пожалуйста... – трепеща всем телом, испуганным голоском вымолвила Клер, закрылась ручками и заплакала.

Не подействовали на волка ни слезы ребенка, ни слова – напротив: он словно понял, что тот слишком слаб, не окажет ни малейшего сопротивления, и вконец осмелел, вплотную приблизился, готовясь вот-вот наброситься.

Больше не найдя никакого иного выхода в этой ситуации, как браться за оружие, Джин крепко-накрепко обняла дочь, незаметно вытащила из-за пояса полностью заряженный мужем пистолет и ласково, точно ничего и не случилось, попросила Клер:

– Доченька... прикрой глазки, как ты делаешь, когда вы с папой играете в прятки, – и, вспомнив инструкции Курта, сняла оружие с предохранителя до короткого щелчка. Дочка послушно прикрылась ладошками, что-то страховито забормотала.

Почуввав нависшую опасность, потрошитель, сверкая бешеными глазами, чуть попятился, но совсем уходить не спешил – проверял: правда ли собрались стрелять или только пугают? А когда на него, пусть неуверенно, трясущейся рукой, но все же навели оружие, волк даже слегка оробел, а жгучий порыв мигом поубавился, поутих.

– Убирайся отсюда!.. Пошел прочь... – жестким, твердым, повелительным тоном потребовала Джин, целясь в голодного потрошителя, – последний раз предупреждаю!.. Ну?.. Ну?!!

– Мамочка, спаси... – услышала она молящий голосок дочери, – я боюсь...

...И этих слов вполне хватило, чтобы волк окончательно осмелел на нападение.

Взяв короткий разгон, разъяренно рыча, потрошитель уже приготовился к прыжку на беззащитную девочку, как в следующий миг стеганул короткий выстрел, Клер вскрикнула, волк

протяжно заскулил, повалился у самых ног, жалобно встрепыхнулся истощенными до костей лапами и больше не издал ни звука.

Еще, наверно, минуту Джин не сводила мушки с бездыханного хищника, все еще ожидая нападения, а когда осознала, что тот никогда теперь не встанет и не нападает, – спешно убрала пистолет и принялась расцеловывать запуганную побледневшую дочурку.

– Все хорошо, маленькая, все хорошо!.. – утешала дочь, по-прежнему стоящую с закрытыми глазами. Дышала та быстро, тяжело, коленки тряслись, по щечкам стекали теплые слезинки. На холоде они быстро стыли, оставляли лишь белесые разводы. – Все хорошо! Волка нет, все хорошо!

– Мама, ты убила его?.. – плакуче спросила Клер.

– Ну что ты, что ты... – отнекивалась Джин, хоть и знала: здесь обмануть дочку не удастся. – Конечно же, нет...

– Тогда почему он так заскулил?..

– От выстрела... испугался, наверно... – солгала она, – ...и убежал, – и сразу попросила дочь: – Только не открывай глазки, хорошо? Мы возвращаемся домой!

– Но я же ничего не увижу! – возмутилась дочка.

– Я тебя поведу, – пояснила Джин, – откроешь их, когда уйдем с прудика, обещаю!

И, обняв, торопливо повела малышку к оврагу, намереваясь как можно скорее покинуть пруд, где уже за камышами, со стороны леса, один за другим доплывал заунывный разгневанный вой других волков, оплакивающих убитого сородича...

***

Разумеется, я согласился взять с собой Дина. Идти одному, конечно, дело привычное, обыденное, но наслушавшись свежих подробностей от человека, сведущего в охоте в тех местах, все же переменял свое решение, сделал, так сказать, исключение. И ни грамма не пожалел. Мой новый знакомый не только умудрился вывести кратчайшей дорогой к супермаркету, о существовании какой я даже и не догадывался, но и оказался очень интересным собеседником, разбирающимся во многих вопросах куда больше моего. Пока шли, Дин поведал мне о растяжках – коварных ловушках, пользующихся большой популярностью и среди охотников, и в стане бандитов-одиночек с мародерами, применяющих их для отлова зазевавшихся собирателей, простых путников, кочевников и торговцев. И до того, с его слов, искусно запрягивали в самых укромных уголках, что зачастую обнаружить смертоносную западню удавалось лишь в последний момент, когда ничего уже нельзя поделать. Вблизи школы, той самой, располагающейся сразу за детским садом, как говорил Дин, ему как-то раз «посчастливилось» повстречать такую ловушку, и если бы не накопленный за все прошедшие годы опыт охоты, от головы, пожалуй, осталось бы одно только мокрое место...

Рассказал охотник и о своем далеком прошлом. К моему удивлению, Дин был простым водителем автобуса, а не прожженным следопытом, каким являлся сейчас. В бедной многодетной семье, где всегда не хватало денег, он, как самый старший, исполнял обязанности одновременно и матери, и отца, вот как уже несколько лет прикованных к постели неизлечимым недугом. Работать Дину, помимо основной должности, приходилось и ночью, частенько хватаясь за любое дело, приносящее хоть какой-нибудь доход. Не брезговал ни выгружать помойки, ни мыть полы в заплыванных туалетах сомнительных заведений, ни выносить судна из-под тяжелобольных в госпитале, ни стирать грязное белье в прачках. О выходных и уж тем более отдыхе – не шло и речи. Дин трудился всегда, двадцать четыре часа в сутки. Накопленные сбережения разлетались моментально и большая часть – на лекарства родителям, стоящие отнюдь не

дешево. Так продолжалось очень долго, пока в семье не случилось горе – не стало матери и отца. И не успел Дин со своим братом и сестрой оплакать тела – мир потрясло другое страшное известие – глобальная экологическая катастрофа. Узнав об этом – вместе с остальными членами семьи вынужденно оставил родной город, учился жить по совсем другим правилам. Через некоторое время, когда все вокруг изменилось до неузнаваемости, стало враждебным для людей, они прибились к небольшому поселению. Там скитальцев приняли как родных, разрешили остаться. С тех пор для Дина началась совсем другая жизнь: запутанная и сложная. И к ней, как выяснилось очень скоро, оказался в корне не готов.

Удивившись такой открытости компаньона, я тоже кое-что сообщил о себе. Вкратце упомянул о минувших военных буднях, о контрактах в различных уголках света уже в качестве наемника, вскользь коснулся семьи.

Шаг, шаг...

– Счастливый ты человек, Курт, – без зависти в голосе, по-доброму подметил через короткое время Дин, когда миновали осыпавшийся дом, а потом, отчего-то вздохнув, словно замечтавшись, зароптал: – А я вот так и не состоялся как семейный человек, раньше-то не получалось, а сейчас – и подавно...

Я через шарф поскреб щетину на подбородке, скользнул глазами по пустым окнам следующего дома и ответил, утешая:

– Нашел из-за чего расстраиваться, – и повернулся к нему – тот, ссутуленный, шагал прямо, широко выбрасывая тяжелые ноги, громко вбирал воздух через крупные лошадиные ноздри. Несмотря на то, что шел налегке, оставив все лишнее в своем укрытии, Дин часто кряхтел, точно тащил свежеспиленное бревно. Глаза скрывались под просторным капюшоном, отчего понять, куда смотрит, было отнюдь не легко. Потом продолжил: – Какие твои годы-то...

Хоть лица пока и не видел – знал твердо: Дин улыбнулся. А если это так, то мои слова все же не пустое колебание воздуха.

Оба замолчали.

Однако выйдя к совсем маленькой дорожке с выстроившимися в длинный ряд уличными фонарями, обмотанными все тем же знакомым «полозом», хищно шевелящимся при нашем приближении, спутник опять прервал тишину:

– Курт, а у вас с женой много детей? – тут посопел, почесал заскорузлыми черными ногтями лоб, будто пытаясь спрятать неловкость. Я уловил это краем глаза, но ничего не сказал. – Ты, это... извини: суюсь, наверно, не в свое дело...

– Да ладно тебе извиняться – тоже мне тайна какая, – ответил я и без какой-либо утайки сказал: – Дочка у меня, Клер зовут, десять лет ей. Шестого мая исполнится одиннадцать, – и прибавил с гордостью: – Большая уже совсем!..

– Действительно, большая девочка, – согласился Дин и вставил участливо: – Не будь всей этой чертовщины с природой, она бы уже давно за партой сидела вместе со своими сверстниками.

Я лишь с горечью вздохнул, поднял глаза на кровавое небо, две-три секунды осуждающе глядел, словно именно оно повинно во всех смертных грехах.

А тот вдруг задал совершенно неожиданный вопрос, от которого я даже замедлил шаг и поднял брови:

– Тебе много доводилось убивать?.. – приостановился, с серьезным лицом неотрывно посмотрел на меня. Вытянутый лоб, изрезанный глубокими морщинами, напрягся, брови незаметно задергались, в глазах проснулась выжидательность, даже непонятный мне страх.

Полминуты, наверно, держал на нем удивленный взгляд, раздумывал над тем, что бы такое ответить. В итоге решил открыться, рассказать, в общем-то, как все обстояло на самом деле:

– Когда как, Дин, не буду скрывать. Но то, что ни одно задание без этого не обходилось, – это, конечно, правда, – начал я, хотя не особо-то и хотел обо всем этом распространяться – на то оно и прошлое, дабы оставить его в покое и больше никогда не ворошить. – К несчастью, ко всему этому быстро привыкаешь, черствеешь, что ли, и чья-то смерть выглядит для тебя уже вовсе не ужасом, а вполне себе нормальным явлением, обыденной вещью. Конечно, не все выдерживают: одним начинают сниться кошмары, у других – что-то ломается в душе, у третьих – срывает крышу. У меня вот ничего такого не было, только внутри становилось невыносимо пусто, будто я и не живой совсем. Как восставший мертвец, знаешь?.. Ноги вроде ходят, руки двигаются, а в голове – туман, все мысли куда-то улетают. Это уже потом понимаешь, что лучше вместо такой работы и вправду в земле лежать, отмучившись, чем остаток жизни носить с собой этот тяжкий, неподъемный крест...

Выслушав меня, Дин несколько раз подряд понимающе кивнул и поинтересовался осторожно:

– А никогда не жалел, что пошел по жизни такой тропой?

Я опустил глаза, потом опять поднял, мгновение помолчал и, прокалывая того тяжелым взглядом, сознался:

– Теперь уже – да, жалею. Но когда тебе чуть больше двадцати, обо всем этом ты как-то и не думаешь, не смотришь так далеко вперед. Если бы смотрел – наверно, сидел лучше где-нибудь в душном офисе, набирал себе спокойно буквы на компьютере... – и закончил: – Вот только сложилось все так, как должно было сложиться. Увы, но мы не пророки, Дин, чтобы безошибочно прокладывать себе дорогу через жизнь. Не у всех она прямая получается: у кого-то влево изогнется, у кого-то – вправо, а у некоторых и вообще вкривь пойдет, как погнутый гвоздь...

Высказался, а сам подумал:

«А с другой стороны, пожалуй, и хорошо, что не пророки – иначе и жить бы никто не захотел: каждый знал бы, где и когда кончит...»

– Главное, оружие держать научился – и ладно! – скороговоркой проговорил охотник и, пару раз хлопнув меня по плечу, подметил заметно холоднее: – Это сейчас куда важнее...

И, не став ждать, поправил висящее на плече ружье, и молча пошел дальше. Я какое-то мгновение постоял на месте, провожая того вдумчивым взглядом, а потом неслышно усмехнулся, мотнул головой, быстренько огляделся и отправился следом.

Так шли где-то с полчаса. Ржавое солнце давно скрылось за набрякшими темно-красными облаками, едва ли не задевающими верхушки домов, небо опять принялось наливать кровью, точно глаза разъяренного зверя. Надрывно гудящий ветер раскачивал макушки замерзших деревьев, срывал со слабых ветвей шапки снега, сдувал с кустов, ограждений и балконов целые тучи седого пепла и долго мучил, не позволяя осесть. А когда ему все же удавалось лечь на дорогу, тот опять поднимал ввысь, с остервенением бросал на сей раз куда-то в сторону. Иной миг до нас с Динем доносилось то противное рычание потрошителей, ошивающихся где-то совсем близко, то далекое похрюкивание мясодеров, то замогильное карканье костоглотов, явно пирующих над чьими-то останками. Случалось и так, что эту жуткую какофонию внезапно прерывали какой-нибудь случайный винтовочный выстрел или автоматная очередь, но буквально через мгновение все резко затихало, захлебывалось в ответном яростном реве кого-нибудь из местных хищников, и тогда сразу становилось понятно: там, за далекими ничейными сооружениями, оборвалась чья-то жизнь.

Р-р-р!! Кар... Р-р-р!!

– С этого момента делаемся втройне осторожными! – скомандовал Дин, поворачивая голову к сплошной стене из раскидистых деревьев, за какими начинали проглядываться кое-какие здания и сам супермаркет, наполовину скрытый за целиковым грязно-белым бетонным забором, обнесенным по всему периметру ржавой колючей проволокой. – Иначе мы с тобой

или в пасть кому-нибудь попадем, или схлопочем на пару шальную пулю, – повернулся ко мне и проговорил учительским тоном: – И тут первый случай, знаешь, получше будет...

«Да как сказать...» – скептически помыслил я, а ему сказал так:

– Ну, давай тогда тихонько мимо деревьев и к забору, что ль, – никого, вроде, поблизости нет.

Охотник прищипнул, несогласно замотал головой.

– Это тебе так кажется, что никого нет, Курт, – и продолжил, слегка понизив голос: – Они тут, сволочи, больно хитрые – сразу себя не выдают, неплохо прячутся. Даже я не всегда сразу замечал поблизости присутствие того же потрошителя, когда охотился здесь. А ты говоришь...

– Ну, тогда слушаю твой вариант...

– До конца дома пройдем, значит, – Дин наморщил нос, указал вперед, объясняя, – там сворачиваем – и мы у забора. Только он высокий, надо будет помозговать, как через него перелезть.

– На месте разберемся. Пошли.

Пока двигались вдоль девятиэтажного панельного дома, когда-то имевшего тусклый салатный цвет, слушая разноголосый лай волков, иногда пробегающих возле стоящих впереди строений, над нашими головами страшно скрипели оконные рамы, едва выдерживали гневные натиски сквозняков. Их сила настолько потрясала, что даже на земле, вблизи нижних этажей, хорошо слышался невероятный грохот, творящийся на самом верху. Там, как и в любой другой опустевшей без людского глаза квартире, ветер швырял в стены бесхозную утварь и мебель, частенько колотил замерзшие грязные стекла, чем-то навязчиво скрипел, ронял на пол. Чтобы ни один осколок не пробил никому из нас макушку, нам с Дином приходилось идти прямо под окнами, всякий раз вздрагивая от звона разбивающихся оземь стекол.

– Никогда сюда не заглядывал? – спросил я в один из тех моментов, когда из квартиры над нами вылетел целиковый стул.

– Хождение по чужим квартирам – не мой профиль, Курт, ты же знаешь, – вновь объяснил он, – я привык выживать при помощи охоты. И вряд ли когда-нибудь поменяюсь...

– Боюсь, что сегодня ты изменишь свои взгляды, – поддел я, – в супермаркете нам предстоит заниматься как раз именно собирательством, а не охотой. За тем туда, собственно, и идем, если не забыл.

– Надеюсь, что-нибудь и для себя подыщу, – неожиданно переменял свое прохладное настроение Дин, – никогда ведь не заходил в такие места. Не подворачивался случай.

– Только когда окажемся внутри, не набирай всего без разбору, – посоветовал я, глянув на охотника. Тот почесывал нос, оглаживал бородку, глаза чуть сощурились – внимательно вслушивался во все, что говорил, старательно запоминал, как стажер на практике. – Больше половины из всего, что там осталось, – никуда не годный мусор. Из съестного бери только то, что предполагает длительное хранение: желательны консервы со сроком годности, заканчивающимся в две тысячи седьмом году и выше, продукты в зеркальной и герметичной упаковке, еду быстрого приготовления – так их еще можно есть, не боясь отравиться.

– Понял, учту! – бодро откликнулся Дин.

– Ну, тогда вопросов больше нет – двигаемся дальше.

Добрались до забора, стали думать, как перелезть: ухватиться не за что, ногой наступить – тоже. Оставалось только как-то подниматься при помощи ветхого дерева, росшего вблизи, бросив черные ледяные ветви прямо на колючую проволоку, но оно выглядело очень ненадежным, чувствовалось, что завалится при первом же нашем касании.

– Эх-х... надо было с собой крюк-кошку взять, – с досадой промолвил Дин, встав возле меня, – что-то не подумал я совсем...

– А зачем она тебе, если не секрет?.. Скалолаз, что ли? – в шутку спросил я.

Но охотник воспринял вопрос совершенно серьезно.

– Чудной ты, Курт, ей-богу, чудной! – кисло усмехнувшись, заметил Дин. – Охочусь-то я по-разному! Иной раз и на дерево надо быстро залезть, чтобы хищники за жопу не сцапнули! Вот кошечку с собой и таскаю, бывает...

Я смолчал – вставить нечего.

– Ладно, – проронил я, – давай тогда как-то по одному лезть, что ли. Делать-то все равно больше ничего не остается...

И только сделал уверенный шаг к дереву – сильная рука Дина тотчас сомкнулась на плече, одернула назад.

– Ну да, добрался бы ты без меня один к супермаркету... – с неподдельным сомнением протянул он и, укоризненно, строго взглянув на меня, продолжил: – Вот что значит глаз не наметанный... – присел на корточки, ружье положил на колени, молча указал пальцем на едва заметно поблескивающую красноватым отсветом леску, туго натянутую у самого дерева. Одна часть провела от забора к маленькому колышку, вторая – уходила круто вверх, где меж толстых веток виднелся тяжеленный автомобильный диск, привязанный к тонкому металлическому тросу. – Растяжечку-то и не приметил совсем.

Я нервно сглотнул, ощутив, как взмокла спина, и машинально отпятился, не сводя глаз с огромной железной бандуры, словно-таки и ждущей той секунды, когда кто-нибудь из нас сорвет мысом лесочку, вызволит из древесных тисков.

– В таком ведь месте кто-то додумался еще и ловушку установить, – прокомментировал Дин через мгновение, – видимо сам лезть-то через забор не отважился, а решил нажать другим способом. – Потом прибавил с удивленной усмешкой: – И не лень же было забираться, чтобы такую дуру там закрепить...

– Может, тоже какой-нибудь охотник? – рискнул предположить я, по-прежнему безотрывно смотря на злосчастный диск. – Они же тоже этим промышляют, ты сам говорил.

Охотник минутку помолчал, потирая замерзшие ладоши, потом сплюнул под ноги, чуть наклонился к растяжке и однозначно заявил:

– Боюсь, что это дело рук не моих товарищей по ремеслу... – и, обернувшись, с твердой уверенностью ответил: – Это бандиты. А если быть точнее – «Мусорщики». Такая вот наука...

– Постой, – остановил я, – а разве ж они не в Ридасе сидят?..

Дин беззлобно посмеялся, подергал себя за бороду, точно уверяясь: надежно ли та держится?

– Что же они, по-твоему, клеем к нему присохли, что ли? – и сразу сменил ироничный тон на серьезный бас: – Они по всем Иствешим Землям бродят, много где бывают. Ловушки вот таким, как мы с тобой, расставляют. Потом вернутся через пару недель – проверят: кого пришибло и звери не растащили – обчистят, а если нет никого – значит, пока не попались. Такая вот наука...

– Однако... – только и сумел протянуть я.

Не акцентировав на этом внимания, Дин предложил:

– Ну что, посмотрим, как работает?.. – не дождавшись моего согласия – выкопал из земли, размякшей от растаявшего снега, обломок кирпича и, велев отойти подальше, бросил на леску и – пулей назад. В этот самый момент прозвучал короткий хруст ветвей и в забор, очертив полукруг, со страшным грохотом влетел кованный колесный диск, оставляя глубокую отметину. Еще около нескольких секунд отзвук удара носился возле дома за нами, будоража окрестности, а когда прекратился, наступила глубокая тишина.

Дзинь... дзинь...

Диск все еще неслышно скрежетал по рябому бетону, а я глядел на него и вновь и вновь представлял себе то, какой эпилог бы меня ждал, не распознай Дин вовремя эту изошренную смерть.

Из нехороших размышлений вывел голос компаньона:

– ...идем, что ли? – Затем повторил чуть громче, догадываясь, что я прослушал сказанное вначале: – Не спи, Курт! Идем или нет?

– А?.. – встрепенулся я и, заметив хмурающийся взгляд Дина, торопливо кивнул и первым подошел к дереву, примеряясь на ходу, с какой стороны будет лучше взбираться.

К тому времени, как перебрались через забор, начался сильный пеплопад. Тяжелые, набухшие от крови тучи больше не смогли держать скопившуюся золу и принялись посыпать замерзшую землю, заваливая крыши домов, дороги, машины, старый мусор. Очень скоро к нему прибавился и снег. Мешаясь друг с другом, порождая зеленовато-серые метели, вместе они влетали в чьи-то квартиры, чинили беспорядок, разбивались о стены, о забор, трепали проволоку, пытались сбить нас с ног.

Петляя между служебных грузовых машин с натянутыми чуть ли не до самого рта капюшонами, мы с Дином в скором времени очутились возле небольшой грязно-белой двери, закрытой на ржавый, наполовину окисленный амбарный замок, с большой потускневшей табличкой ровно посередине:

«ВХОД ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА!»

– Видал? – выразительно подняв указательный палец, спросил я и добавил: – Теперь мы персоналом заделались! Растем!

И, больше не сказав ни слова, сбил прикладом замок. Тот, на удивление, поддался легко, свалился к порожку, почти не издав никакого шума.

Отпихнув в сторону – потянул дверь и, когда та поддалась, пригласил Дина вовнутрь:

– Проходи, – а сам – следом.

Оказались мы в маленьком темном помещении с низким потолком и захлавленным полом. Справа обрисовывался пустой офисный стол, левее – длинный шкаф, диван и кулер, над нами, застыв навеки, висел вентилятор. А прямо по центру – еще одна дверь, какая, по моим предположениям, должна уже привести непосредственно в сам супермаркет.

– Только тс-с-с!.. – прошептал я, подойдя к двери. – Никакого лишнего звука – внутри может быть полно зверей!

Дин пошмыгал окоченевшим носом, смел капюшон, сбросив целую кипу пепла пополам со снегом, вжал ружья в плечо, закивал.

Я тихонько снял винтовку с предохранителя и, секунду помявшись у порога, откупорил щеколду, толкнул дверь. Она открылась бесшумно, только чуть слышно скрипнули давно несмазанные петли и старая пружина доводчика.

Прошли внутрь – и в нос сразу ударило зловонием и нестерпимым запахом гнили. Голова закружилась, словно вышли не к супермаркету, а к канаве, забитой падалью. Снаружи же зверствовала пурга. Крепчая, та все чаще выбрасывала через многочисленные дыры в стенах и крыше потоки студеного пронизывающего воздуха, запружала пеплом и зеленым снегом торговый зал. Невзирая на лютые сквозняки, он совсем не проветривался, а смрад лишь сильнее разлетался повсюду, заползал в каждую скрытую полумраком трещину.

В самом супермаркете царил полнейший разгром. Длинные стеллажи, некогда выстроенные в ровные шеренги, – повалены друг на друга, их содержимое – ради чего, по сути, и пришли сюда – беспорядочно рассыпано по плиточному полу, разлито, разбито вдребезги. Продуктовые тележки и корзины, брошенные однажды посетителями, валялись и стояли возле них, пустые, помятые, ненужные. Разломленные прилавки, давно уже кем-то вычищенные, – обросли мхом, покрылись ржавчиной. Почерневшие от многолетней грязи вывески отделов, подвешенные к потолку прочными тросами, безвольно покачивались на ветру, глуховато скрежетали. Кругом – напряженная тишина, прерываемая лишь звоном да стуком бутылок где-то в тени.

Тишь, тишь, тишь...

– Откуда начнем? – несмело спросил Дин после долгого молчания и сам же ответил на свой вопрос: – Я бы вон с того ряда начал... – пригляделся, тужась прочесть колыхающуюся вывеску, – названия вот только никак не разберу.

Ничего не произнеся, я обошел его, вытянул голову, кое-как прочитал: «Соусы, консервы, приправы».

Потом – к Дину:

– Да, оттуда как раз и следует начать, – одобрил я выбор, но сразу предостерег: – Только двигаемся осторожно, не дай бог, кого привлечем.

Весь найденный провиант тщательно рассматривали, читали сроки годности, отбирали самый подходящий, откладывая в сторону порченые упаковки, любые хотя бы немного вздутые, окисленные или мятые банки. Запомнивший мой недавний совет, Дин внимательно изучал каждую находку, что-то вполголоса себе нашептывал – скорее всего, вслух зачитывал состав и дату. Вместе заглянули в молочный отдел, где не обнаружилось ничего стоящего, кроме замороженных бутылок с молоком, обыскали полки с инструментами, кое-что взяли с собой. В «Косметике и парфюмерии» набрал для жены и дочки всяких шампуней, гелей, кремов, дезодорантов, кускового и жидкого мыла. Себе же с Дином – новые бритвы, лезвия, непросроченную пену. Между делом прошлись вдоль холодильников, забитых снегом, в каких ни йоты не разглядели, у обрушенных полок с пожелтевшей и изодранной печатной продукцией напарник разжился старыми газетами и журналами для растопки. У касс запаслись сигаретами, зажигалками.

– Хоть покурим с тобой! – со вскруженной от раздобытых припасов головой возбужденно молвил Дин, похлопывая по забитому рюкзаку. – Отметим это дело! А то, если честно, уже внутри все посасывает, тянет...

– Это подождет, – коротко ответил я, смотря на улицу, неясно вырисовывающуюся сразу за уцелевшими размытыми от мороза стеклами при входе в супермаркет. Там, сквозь не тронутые льдом просветы, виднелись снежные дервиши, блуждающие вдоль одинокой дороги, подчас пробегали потрошители. Но стоило перевести выжидающий взгляд чуть правее – натолкнулся на два истерзанных трупа, уже обнесенных снегом: по-видимому, тех, кто недавно спешил попасть туда же, где и мы сейчас. Через мгновение спросил: – Лучше скажи: ты все взял, что хотел? Потому что когда мы отсюда уйдем – вернуться назад больше не получится.

Дин почесывал сальный клин бороды, задумавшись, и после недолгого молчания ответил:

– Да, в принципе, да... – и перечислил: – Еда, вода, сигареты, инструменты кое-какие, бумага – вроде бы все...

Р-р-р-р... ух-х... ух-х...

Громкие и тяжкие звериные вздохи, доносящиеся из-за стеллажа, за которым, изваявшись в пепле, покоились мягкие игрушки, мгновенно перебили Дина, заставили чернильные глаза расширяться от испуга, а руки – порывисто вскинуть ружье, готовясь отражать нападение.

«Еще только этого нам не хватало... – мрачно подумал я, – чего боялся – на то и напорлся...»

Тоже взялся за винтовку, чувствуя, как быстро намокают ладони.

– Чего делать будем?.. – прошептал Дин, подойдя ближе. Глаза бешено бегали, пальцы неслышно выстукивали по стволу. Сам он без конца облизывал полопавшиеся губы, чуть нетерпеливо поплясывал на месте, словно пес, мечтающий сорваться с поводка. Подождав, повторил: – Как действовать-то будем, Курт?..

Я почесал нос, пораскинул мозгами: идти через парадные двери нельзя, назад вернуться – тоже – через забор уже никак не перелезть. Есть, конечно, еще один ход – черный, но попасть туда, минуя стеллаж с затаившимся таинственным хищником, будет очень нелегко.

– Давай-ка поворачивать назад – обходить будем, – кратко озвучил я свой замысел и, перехватив оружие левой рукой, двинулся сквозь ряды. – Нагоняй!

И когда все вроде бы складывалось хорошо, нам удалось отдалиться от зверя на немалое расстояние, затеряться за стеллажами, случилось непредсказуемое: Дин что-то задел в темноте, поднял оглушительный гвалт, разлетевшийся по всему супермаркету.

А увидев – побледнели, ахнули: разmozженная человеческая грудная клетка.

– Да мы в чье-то логово, по ходу, вторглись!.. – запальчиво, визгливо прошипел Дин, метая в меня колючие взгляды. – Теперь хрен нас кто выпустит отсюда без боя...

В этот самый момент, растревоженный посторонним, незнакомым шумом, зверь, глухо порывающийся до сего времени за стеллажом, будто ожил, пронзительно, сотрясая весь торговый зал, заревел, чем-то зычно загремел.

А-а-а-р-р-р!!

В ответ на лютое рычание, откуда-то сверху, над нами, затянулся волчий вой, стала хорошо слышна возня, суета, цокот когтей по плитке. Через мгновение он участился, сделался более отчетливым, сместился круто влево – потрошители принялись спускаться.

– Пробираемся к черному ходу! – огласил я и, пригнувшись, быстренько прополз под завалившимся стеллажом. Выбравшись, поторопил Дина: – Пошевеливайся!

Тот опроретью поднырнул, по-пластунски, как заправский солдат, прополз и через пару секунд очутился около меня, держа ружье наизготовку.

Р-р-р-р!!

Тем временем волки, привлеченные неистовым ревом, уже разбрелись по залу, обнюхивая места нашего недавнего пребывания. Разгневанный их присутствием еще больше, невиданный хищник произвел еще один ошеломляющий удар, и через секунду-другую мы с Дином с округлившимися от ужаса глазами увидели то, как металлические стеллажи, роняя остатки товаров, фишками домино принялись складываться один за другим, пока кто-то из волков не заверещал от боли.

– Да кто же это такой-то?.. – вопрошал изумленный Дин, замечая потрошителей, крутящихся в испуге около поваленных рядов. – Знать бы хоть...

И словно в ответ на мучающий вопрос, шумно дыша и тяжело ступая, растолкав тележки, на свет вышел громадный черный медведь. Косматая, пожженная пеплом морда при каждом шаге гнулась к полу, пасть всякий раз широко раскрывалась, являя тупые темные клыки, блеклые глаза смотрели по сторонам остекленело, жутко, мертво. Вся медвежья шкура усеялась бесчисленным количеством рубцов, ожогов, на одном боку полностью выпала шерсть, оголила бледно-розовую кожу со следами от пуль. Облезлые, но все еще крепкие косые лапы двигали могучее тело хоть и медленно, зато уверенно, надежно.

– Глазам не верю – берсеркер!.. – осипшим, изумленным голосом проговорил Дин, разглядывая изуродованного медведя. – Не думал, что еще встречу такого... – и, вспомнив какой-то давний момент, добавил: – Их же всех уже перебили вроде...

– Выходит, один все же остался, – спешно изрек я и, дернув так же, как он меня возле дерева, бросил: – Бежим!

Вместе кинулись к запасному выходу.

Заметив нас, берсеркер неистово зарычал и помчался в погоню, отбрасывая, как дотошных щенков, высохших потрошителей, стремящихся первыми отхватить себе кусок тепленькой человечины. Однако волки все же оказались хитрее и, избрав иную тактику, первыми сократили с нами разрыв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.